

Т.В. Смирнова

*Открывая  
старинный альбом...*

Борщовы, Гладковы, Кितिцыны  
на Костромской и Ярославской земле  
и их потомки



Сергиев Посад  
2016

УДК 929.5  
ББК 63.2  
С506

Издание осуществлено на средства автора

**Приношу большую благодарность  
Оксане Александровне Дробышевской,  
члену Ярославского историко-родословного общества,  
за помощь в работе над книгой**

**Смирнова Т.В.**

С506 Открывая старинный альбом...

Борщовы, Гладковы, Китицыны на Костромской  
и Ярославской земле и их потомки. – Сергиев Посад:  
ООО «Всё для Вас “Подмосковье”», 2016. – 136 с.: фот.  
ISBN 978-5-9976-0092-1

Эта книга – о связанных родственными узами трех дворянских родах и о судьбах их потомков. В XIX веке почти все они были небогаты. Среди тех из них, кто жил на Костромской и Ярославской земле, не было особо выдающихся личностей. Они служили Отечеству, считали своим долгом заботиться о просвещении крестьян, вели хозяйство, растили детей. Можно сказать, что это типичные представители провинциального дворянства, по сути, почти не попавшие на страницы нашей великой литературы. При всем разнообразии характеров отличительными чертами большинства членов этих семей являлись честность и стремление оказывать помощь другим людям. Такие качества они передали и своим потомкам.

К концу XX века их потомков с фамилиями Борщовы, Гладковы и Китицыны не осталось.

А о предках по отцовской линии – Смирновых я писала в книгах «Народ в тюрьме (1930–1931). Материалы к биографии В.И. Смирнова (1882–1941)» (Сергиев Посад, 2011) и «М.И. Смирнов и М.М. Пришвин в Переславле-Залесском (1925–1926)» (Сергиев Посад, 2013).

Книга предназначена тем, кто интересуется прошлым нашей страны.

**УДК 929.5  
ББК 63.2**

ISBN 978-5-9976-0092-1



© Т.В. Смирнова, текст, 2016

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Новая книга известного краеведа Татьяны Васильевны Смирновой необычна и удивительна. Ничего подобного отечественная генеалогическая литература не создала ни за последние двадцать пять лет своего возрождения, ни за период до 1917 года. Перед нами обширный, бережно собираемый семейный альбом (вернее – четыре альбома). Здесь собраны повествования из жизни нескольких поколений дворянских родов Борщовых, Гладковых и Китицыных, земли которых находились в Костромской и Ярославской губерниях. Свой рассказ о предках Татьяна Васильевна начинает с XVIII столетия и доводит до наших дней, прослеживая судьбы своих родных, сложившиеся, как правило, в XX столетии тяжело, а зачастую трагично.

Остается только удивляться тому, какая сила любви к предкам спасла в семье Т.В. Смирновой столь значительный семейный архив и воспоминания о предках. Перед читателем проходит зримая галерея образов, жизнеописаний и ярких подробностей прошлой жизни. В рассказах о дореволюционной эпохе встречаются курьезные случаи и странные характеры. Но вот происходит катастрофа 1917 года, и повествование идет уже в трагических тонах – мы читаем о голоде и тяжелой борьбе за существование...

Многие эпизоды семейной и личной истории, рассказанные Т.В. Смирновой, обладают пронзительной силой воздействия. Лаконичный рассказ, как будто бы в жанре документальной хроники, раскрывает всю глубину трагедии «бывших» людей, произошедшую в советскую эпоху. Семейный альбом становится важным историческим документом, свидетельствующим о драме российской истории XX столетия.

Листая семейный альбом Т.В. Смирновой, читатель наблюдает не только за тем, как мундиры и кружева постепенно сменяются гимнастерками и платьями, перешитыми из пиджаков и прочего подручного материала. Меняются, прежде всего, лица. Изящество и уверенность сменяются усталостью и внутренней тревогой, радость и красота – печалью и затаенной болью утрат... Таковы итоги XX столетия, разметавшего, подобно урагану, старинные дворянские семьи. Носителей этих фамилий нет на свете, живы только немногочисленные потомки по женской линии. Но осталась память об ушедших.

Надеюсь, что книга Т.В. Смирновой вызовет к жизни и другие подобные издания, которые откроют новые судьбы и лица малоизвестных героев российской истории. Значение такого рода трудов огромно, поскольку сама история есть не что иное, как совокупность человеческих судеб, а историческая наука – это «наука о людях во времени» (М. Блок).

*С.Ю. Шокарев,  
кандидат исторических наук,  
доцент Историко-архивного института РГГУ,  
действительный член Историко-родословного общества в Москве*

## ВОСПОМИНАНИЯ ТЕМ И ЦЕННЫ, ЧТО ЦЕНЫ НЕ ИМЕЮТ

В кругу семьи или в одиночестве, за чашкой чая или во время семейного торжества каждый из нас не раз пересматривал семейные фотоальбомы, и, вглядываясь в лица на фотографиях, вспоминал о людях и их судьбах. Бережно храня эти старые снимки, мы с легкой грустью вспоминаем разные моменты из прошлого – важные и второстепенные, грустные и смешные, интересные и, возможно, не очень. Но все они сделаны в далеком, а может быть, и не очень далеком прошлом, которое теперь доступно нам только по фотографиям и воспоминаниям. Наша история и наша жизнь богаты интересными моментами и событиями, уходящими в прошлое навсегда. Однако благодаря фотографиям и воспоминаниям настоящие и будущие поколения могут видеть и знать, как жили их предки, что происходило в стране и мире, какой была мода.

Представленная книга – это не столько родословное исследование, сколько воспоминания о жизни и судьбах людей, чьи фотографии хранятся в семейных альбомах автора. Это рассказ о трех дворянских фамилиях, о семьях, лишившихся в переломный период истории нашего Отечества своего семейного очага, рассказ о людях, которых время и обстоятельства разбросали не только по всем дорогам страны, но и по всем дорогам мира. По-разному сложились судьбы этих людей, по-разному они относились к происходящим в их жизни событиям, но объединяет их одно – любовь к своей Родине и желание честно и до конца выполнить свой долг перед ней.

Во время размышлений о судьбах этих людей, о прожитой ими жизни невольно возникает вопрос: через сколько же исторических эпох пришлось им пройти? Это и предреволюционные годы Российской империи, революция и гражданская война

20-х, репрессии предвоенных 30-х, тяжелые военные и послевоенные годы. Несколько непростых исторических периодов на протяжении одной человеческой жизни. Это те исторические периоды, когда людей срывали с родных мест, из устоявшегося быта и уклада, перемещали в чужие края, где их ждал изнурительный труд и голод, когда жизнь была борьбой с обреченностью и голодом, которые мучительно одолевались, когда удавалось раздобыть что-нибудь съестное – желуди, траву, обрат или чудом доставшуюся банку американской тушенки. Возможно ли все это вынести человеку, не согнуться под тяжестью постоянно меняющихся обстоятельств, не потерять себя? Возможно ли жить так тяжело, впроголодь, но с открытым сердцем и верой в будущее? Оказывается, возможно, и именно об этом данная книга.

Каждый из сюжетов книги оставляет в памяти неизгладимый след, вызывая желание задуматься над судьбами представленных в книге лиц, создает ощущение причастности к повествуемым событиям. С каждой страницы этих воспоминаний проступает доброта, душевный свет и способность любить и верить, несмотря ни на какие сложные и тяжелые обстоятельства жизни.

Работа Татьяны Васильевны Смирновой – это не только воспоминания, но и взгляд на события в нашей стране через призму истории своей семьи. Изучение истории страны и ее преломление в истории конкретных семей делает человека соучастником исторического процесса, укрепляет связь поколений. Такой взгляд позволяет в полной мере оценить атмосферу тех далеких дней, увидеть Россию в разные эпохи, сделать исторические события зримее, понятнее и ближе. «Чтобы идти вперед, чаще оглядывайтесь назад, ибо иначе вы забудете, откуда вы вышли и куда нужно вам идти», – советовал русский писатель Леонид Николаевич Андреев в начале XX века. И нам, чтобы уверенно идти в завтрашний день, необходимо оглядываться назад, поскольку именно взгляд в прошлое дает видение того, что происходит сегодня и может произойти в будущем.

Для любого человека такие понятия, как Родина и история, слишком объемны и грандиозны, чтобы ощутить их сердцем. И потому история для каждого – это, прежде всего, история его семьи. Та живая нить, которая тянется сквозь столетия и на которую нанизываются имена, судьбы, голоса, характеры и лица. Та нить, которая вывела в жизнь каждого из нас и которую надо бережно сохранять. Данные воспоминания – пример уважительного отношения к своим предкам, к их жизни, к прошлому, к истории.

*О.А. Дробышевская,  
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики  
Ярославского филиала РЭУ им. Плеханова,  
член Ярославского историко-родословного общества*





## ОТ АВТОРА

С раннего детства я любила рассматривать альбомы со старыми фотографиями. На них лица моих предков. Во всех передрыгах семьи, когда были утрачены практически все вещи, эти тяжелые альбомы (а они и вправду тяжелые) уцелели. Уцелели потому, что были для нас самым ценным. Коричневые кожаные обложки, позолоченные металлические замки, золотой обрез... Открываешь такой альбом – и погружаешься в другой мир.

И еще интересно бывает вынуть фотографию и посмотреть обратную сторону. Там фотографии размещали рекламу своих заведений: адрес, иногда телефон и, конечно, полученные награды. А порой среди виньеток встречается и трогательная надпись: «Негативы хранятся». Чистую обратную сторону имеют лишь самые старые фотографии, те, что находятся в маленьком альбоме с обложкой, отделанной деревом. А ярославский фотограф А. Германн указывал свою фамилию только внизу, под снимками, на лицевой стороне.

Многие фотографии сделаны в Ярославле и Костроме, но есть Петербург, Москва, Вологда, Чернигов, Париж, Милан, Женева и другие города. Иногда на обороте встречаются надписи, сделанные чернилами: даты, когда фотографировались, или дарственные. Например, «Лида и Миша снимались 8 мая 1908 года», «На память милой и дорогой Лиле от Коли Борщова». Жаль, что очень многие фото не подписаны. И уже никогда не узнать, что это за дамы в широких длинных юбках, мужчины в штатском или в эполетах и со звездами на груди.

Давно нет на свете людей, изображенных на снимках. Некоторые фотографии, видно, сделаны не с людей, а с их портретов. Где эти портреты? От тех предков, лица которых запечатлены в старинных альбомах, не уцелело ни дневников, ни писем, ни документов. А фотографии вот они – в альбоме. И мне захотелось написать, что вспоминали бабушка и мама, что знаю я сама об этих людях. О Борщовых, Гладковых, Кितिцыных.

Но потом пришла мысль, что стоит написать и о тех родных, чьих фотографий нет в старых альбомах. Их фото хранятся, как говорится, россыпью. Лишь мои детские фотографии – в альбомчиках, которые завел папа.

Интересно смотреть на лица людей давно ушедшей эпохи, их прически, одежду. Но как скупы сведения об их жизни! Чуть больше известно о тех, кто как-то выделился из массы. Так, генерал С.С. Борщов оставил о себе память

тем, что выстроил большой дом в центре Костромы. А его сестра Н.С. Борщова оказалась запечатленной на портрете кисти Левицкого.

Во второй половине XIX – начале XX века уже больше тех, чьи жизни мы можем лучше себе представить, хотя это не петербургские жители, а провинциальные дворяне. О некоторых находим сведения в интернете. Среди них А.Н. Гладков, ярославский чиновник, юрист, автор целого ряда научных работ, получивший серебряную медаль за труды по освобождению крестьян. Целая книга написана о герое Первой мировой войны, офицере-подводнике М.С. Кितिцыне. В воспоминаниях Е.М. Кितिцыной оживают образы ее родителей – М.М. и М.Н. Борщовых. Особенно запоминается предельная честность М.М. Борщова, который не мог написать частное письмо «казенными чернилами». В этих воспоминаниях показана и жесткая, даже жестокая атмосфера в закрытых учебных заведениях для девочек-дворянок, и исключительно доброе отношение в дворянских семьях к няням и гувернанткам. Мы видим тут и не всегда удачное ведение хозяйства в своих имениях, и заботу дворян о просвещении народа. Чем ближе к нашему времени, тем сведений больше. И невольно рассказ о некоторых из них получился очень подробным. Меня это очень смущало. Но потом подумалось: как в малой капле отражается окружающий мир, так в судьбах моих предков отразились те события, которые произошли в стране – и времена гражданской войны, и Великая Отечественная, и жизнь после войны. Весь XX век.

У них были разные характеры, разные способности. Я не стремилась их идеализировать. Пожалуй, не назовешь их и типичными представителями чего бы то ни было, как это полагается при изучении русской литературы. У Анны Ахматовой есть строки:

*Я была тогда с моим народом,  
Там, где мой народ, к несчастью, был.*

Вот и мои близкие были с народом. Их жизни были составной частью исторического времени. Лишь немногие оказались в эмиграции. Даже репрессированы были единицы. Но вместе со всеми они сполна испытали и голод, и холод нового времени. А еще у них, выброшенных из своих домов, была вечная бездомность, бесприютность. Однако они по-прежнему стремились приносить пользу людям. В труде был смысл их жизни. Осталась жажда помогать другим людям, осталась жалость к животным. Не эти ли особенности, заложенные в них, и привели к тому, что не осталось на земле их потомков, носящих фамилии Борщовых, Гладковых, Кितिцыных?



## БОРЩОВЫ

орщовы – старинный дворянский род, записанный в Бархатную книгу. Согласно Гербовнику Дворянских родов (VII ч. № 21) родоначальником считается шляхтич Василий Борщ, выехавший из Литвы на службу к Великому князю Василию Ивановичу. Его сын Елизарий получил за выезд земли в Ярославском крае. Иван Борщов упомянут как присутствовавший в 1500 г. на свадьбе Софьи, дочери Иоанна III (Словарь Брокгауза и Ефрона).

В гербах выходцев из Литвы обычно присутствует знак «Погоня» – всадник на белом коне с поднятым мечом – то есть изображение, которое есть в гербе Великого княжества Литовского, либо фрагмент его в виде руки в латах с поднятым мечом или саблей. Его мы видим и в гербе Борщовых.

Хотя Борщовы в дальнейшем стали жителями Петербурга, близкими к царскому двору, но у них были связи с Ярославской и Костромской землей. Так, Семен Иванович Борщов (1712–1786), женившись на Екатерине Алексеевне Скрипицыной, получил за ней в приданое усадьбу Бочатино близ села Ильинское на Шаче в Костромской губернии.

Похоронен С.И. Борщов на кладбище Воскресенской церкви села Николо-Отводное, близ другой усадьбы Борщовых – Заречье.

Моя мама Лидия Сергеевна Китицына в августе 1964 г. побывала на этом кладбище. Тогда на белокаменном надгробии еще различима была надпись: «1786 года февраля 9 дня преставился раб божий подпоручик Семен Иванович Борщов. Жизни его было 74 года».

Известно, что по заказу Екатерины II Д.Г. Левицкий написал портреты семи смолянок. Одной из них была дочь С.И. Борщова Наталья (1757–1843), изображенная художником в испанском платье. Предполагается, что она

представляла аллегория танца. В дальнейшем Н.С. Борщова была фрейлиной Великой Княгини Марии Федоровны, потом кавалерственной дамой. Вышла замуж за Клавдия Семеновича Мусина-Пушкина, а после его смерти за барона Вильгельма фон-дер-Ховена (Д.Г. Левицкий. Портрет Н.С. Борщовой. 1776. Х., м. ГРМ, см. цв. вкладку, стр. 4).

До 1917 г. портреты смолянок находились в Большом Петергофском дворце. Потом известный музейный деятель П.И. Нерадовский поместил портреты в Русском музее, где они находятся и сейчас.

Сергей Семенович Борщов (1754–1837), брат смолянки, начал службу рядовым гвардии, окончил ее генерал-лейтенантом, сенатором. Видимо, он стал богатым человеком благодаря собственным заслугам, так как искусствоведы пишут, что Наталья Семеновна, дочь отставного лейб-гвардии фура, была из небогатой семьи.

По проекту губернского архитектора Н.И. Метлина С.С. Борщов выстроил в Костроме дом. Большое здание в стиле классицизма с восьмиколонным портиком донныне входит в архитектурный ансамбль центра города. Но дом недолго принадлежал Борщовым. Пострадавший в пожаре 1847 г., он был продан. Впоследствии в нем размещался Окружной суд. (Дом Борщова в Костроме. Современное фото, см. цв. вкладку, стр. 3).

Другой дом с домовою церковью выстроен С.С. Борщовым в усадьбе Бочатино. В дальнейшем усадьба тоже была продана.

Мама моя, участвовавшая в этнографической экспедиции, записала: «В Костромском уезде, близ села Ильинское на Шаче, было имение Борщовых Бочатино. Я посетила Бочатино в 1928 г. Великолепный дом с колоннами и каменные надворные постройки пришли в полную ветхость. На всем печать разорения и запустения».

В 1939 г. все постройки были разобраны.

Сергей Семенович Борщов похоронен на кладбище церкви села Ильинского на Шаче. Мама еще видела там могильную плиту с надписью: «Здесь покоится тело генерал-лейтенанта сенатора Сергея Семеновича Борщова. Скончался 10 августа 1837 г. на 84 году от рождения».

В семейном альбоме есть фотография С.С. Борщова, очевидно, сделанная с портрета, на котором он изображен еще довольно молодым человеком, с зачесанными вперед висками, в мундире с эполетами.

Его братья Иван Семенович (1761–1835) и Петр Семенович Борщовы (1759–1842) похоронены на кладбище Воскресенской церкви села Николо-

Отводное, рядом с могилой своего отца. На одной чугунной плите надпись: «Под сим памятником погребено тело надворного советника Ивана Семеновича Борщова, основателя сельца Заречье. Преставился 1835 года октября 2 дня в 5 часу утра. Жития его было 74 года». На другой чугунной плите надпись: «Под сим памятником покоится тело надворного советника Петра Семеновича Борщова. Покончил жизнь свою 1842 года октября 28 дня в 7 часов пополудни. Жития его было 83 года. Да будет ему вечная память». Надписи переписаны моей мамой в августе 1964 г., когда она находилась на археологических раскопках неподалеку от этого места.

Воскресенская церковь в селе Николо-Отводное была выстроена, вероятно, при Иване Семеновиче Борщове. Моя мама сфотографировала ее в 1964 г. Годом постройки считается 1798-й. В начале 2000-х гг. церковь была ре-



*Сергей Семенович  
Борщов*

ставрирована и сейчас является действующей.

Реставрирована она благодаря усилиям священника иеромонаха Симона (Сергея Михайловича Новикова, 1928–2006), которого в этой церкви в детстве крестили. (Воскресенская церковь в Никол-Отводном. 2010 г., см. цв. вкладку, стр. 6).

Член Ярославского историко-родословного общества О.А. Дробышевская прислала мне фотографию стенда, который общество установило в этом храме. На стенде размещен текст с историческими сведениями об усадьбе Заречье и фотографии Борщовых.



*Воскресенская церковь  
в Николо-Отводном. 1964 г.*

В одном из альбомов есть фотография старика в пальто с бархатным воротником – Михаила Сергеевича Борщова (1793–1862), сына генерал-лейтенанта Сергея Семеновича. Похоронен он был на том же кладбище погоста Ильинское на Шаче, что и его отец. На надгробии была надпись: «Действительный статский советник Михаил Сергеевич Борщов. Умер декабря 1862 г.»

М.С. Борщов был женат на Елизавете Ивановне Богдановой. По семейным преданиям, она была придворной дамой. У нас хранились два миниатюрных ее портрета. Один из них, великолепно оформленный, моя тетья продала в 1940-х гг. в Исторический музей. Недавно мне удалось получить фотографию с него. Дома сохранился другой – овальная миниатюра на слоновой кости. На голубоватом фоне изображена молодая



*Михаил Сергеевич  
Борщов*



*Елизавета Ивановна  
Борщова,  
урожд. Богданова*

дама с мелкими чертами лица, с ниткой жемчуга на шее. Локоны ее прически уложены по моде 1830-х годов. Миниатюру я показывала когда-то коллекционеру этого вида искусства Валентину Сергеевичу Попову. Он посмотрел с лупой и прочел, что на ней указан год, то ли 1836-й, то ли 1838-й – последняя цифра читается неуверенно. А фамилия художника французская или немецкая. Я ее не запомнила, а теперь прочитать не могу. (Елизавета Ивановна Борщова, урожд. Богданова. ГИМ, см. цв. вкладку, стр. 5).

Была у нас еще миниатюра неизвестного мужчины. Когда я вынула ее из рамки, оказалось, что на обратной стороне на пластину нанесена красная краска, там, где с лицевой стороны губы и щеки портрета, и под пластину подло-



*Елизавета Ивановна  
Борщова*

жена фольга. Сама пластина слоновой кости слегка просвечивает. Это оживляет лицо портретируемого. Но портрет моей прапрабушки прочно вделан в металлическую рамку, так что нельзя посмотреть, использован ли художником такой прием.

А на фотографии в альбоме она уже в довольно пожилом возрасте, в чепце, в шали на плечах.

У нас раньше хранились три пуговицы от ее костюма – круглые, с искусственными изумрудами и бриллиантами (стразами). Один выход у придворных дам был в русских сарафанах, видимо, для такого костюма они и предназначались. Ее сын Михаил украсил этими пуговицами упряжь купленной им тройки маленьких лошадок. Разъезжая по Петербургу, он однажды встре-

тил царя, остановился и приветствовал, как положено. Царь посмотрел на необычную тройку и крикнул:

– Кто такой?

– Корнет Борщов.

А я, соединив две пуговицы цепочкой, сделала эффектное украшение в виде броши.

У М.С. Борщова было шестеро детей. Сыновья служили в гвардии. Старший сын Сергей Михайлович Борщов, по воспоминаниям моей бабушки Е.М. Кितिцыной, проиграл 200 тысяч в карты, что родители и заплатили.

О другом сыне Михаила Сергеевича Борщова Александре Михайловиче бабушка писала, что он тоже жил широко. Женился на Екатерине Карцевой, думая получить большое приданое, но не получил ничего. Некоторое время жил у своего



*Александр Михайлович  
Борщов в Биаррице*

младшего брата Михаила, потом поссорился с его женой, уехал. Скончался в Москве, в больнице, разбитый параличом.

В альбоме есть его фотография, сделанная в Биаррице. Сфотографировался он в забавном пляжном костюме, какие носили в те времена мужчины на курортах.

## МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ БОРЦОВ



*Михаил Михайлович  
Борцов*

службу в Терское казачье войско, был участником Русско-турецкой войны – сражался на Кавказе. Вышел в отставку в чине войскового старшины, что соответствовало чину подполковника. И до конца своих дней носил черкеску.

Благодаря черкеске он легко узнаваем на групповой фотографии, сделанной в усадьбе

Михаил Михайлович (1843–1910), младший из братьев, был самым скромным. В карты не играл. Но когда его товарищ по полку крупно проигрался и грозил пустить себе пулю в лоб, М.М. Борцов, чтобы его выручить, спешно за бесценок продал дорогое имение под Петербургом.

Служил он в уланах, участвовал в подавлении польского мятежа 1863 года.

Есть несколько его фотографий разных лет. В альбоме, когда я вынула ту, где он снялся верхом, обнаружилась маленькая записка с именем лошади – Петух.

Потом М.М. Борцов перешел на



*Михаил Михайлович  
Борцов верхом*



*Группа дворян  
в усадьбе Михалковых Петровское.  
1899 г.*

ловского уезда Ярославской губернии, самой бедной, которая досталась ему, как младшему сыну. К тому времени усадьба была необитаемой. Даже мебели не было. Пришлось перевезти мебель из пустовавшего тогда дома в Бочатине. Он очень любил лошадей и собак. Обращался с лошадьми ласково и был ярким противником кучерского кнута. Выездных лошадей были полны конюшни, а ездить на них было некуда. Приходилось гонять застоявшихся лошадей на корде. В доме целая комната была отведена под галерею фотографий лошадей в рамках.

Он не был склонен к занятиям хозяйством, скучал. Любил ездить верхом. Стал заезжать в соседнюю усадьбу Кадниково, где у старой

Михалковых Петровское Рыбинского уезда по случаю приезда в 1899 г. Великого Князя Владимира Николаевича. Фотографию, хранящуюся в Рыбинском историко-художественном музее, любезно прислала мне член Ярославского историко-родословного общества О.А. Дробышевская.

Выйдя в отставку, М.М. Борцов поселился в усадьбе Заречье Дани-



*Михаил Михайлович  
Борцов*



*Мария Николаевна Борцова перед альбомом с фотографиями*



*М. М. Борцовъ*

ЯРОСЛАВЪ.

Михаил Михайлович Борцов



*Мария Николаевна  
Гладкова, в замужестве  
Борцова*

хозяйки С.Н. Гладковой была внучка Мария Николаевна (1858–1937). К ней Борщов и посватался. Вернее, он послал с предложением своего брата Александра, гостившего у него в то время, а сам в возбуждении скакал верхом по окрестностям. Предложение было принято.

После свадьбы в сельской церкви Мария Николаевна сразу получила ключи от хозяйства и вошла в дом. А в доме на каждом диване, на каждом кресле лежали охотничьи собаки.

– Или я, или собаки, – будто бы так она сразу и заявила.

Собак пришлось перевести на псарню. Потом их число удалось несколько уменьшить, так же как и число верховых лошадей, ненужных в хозяйстве.

Борщов, как писала в воспоминаниях моя бабушка, должно быть, любил охоту верхом с гончими и борзыми, но на ее памяти такой охоты не затевал. Он был экономный, особенно по отношению к расходам на себя. Считал себя накануне разорения, имея маленькие средства по сравнению с тем, как жили его родители.

В хозяйственные заботы он не вмешивался. Крестьяне его называли ангелом. Не был доволен сокращением числа лошадей, но пришлось смириться. Его выбрали предводителем дворянства Даниловского уезда, потом председателем Земской уездной управы. И он очень старался приносить на этом поприще пользу, особенно заботился о земских школах.

С раннего детства я много раз слышала такой рассказ бабушки. Как-то Мария Николаевна сказала мужу:

– Ты бы, когда просителей нет, письма бы родным писал. – Возмущенно он воскликнул:

– Да ты что?! Ведь чернила-то казенные!

Эти «чернила казенные» врезались мне в память на всю жизнь.



*Памятник на могиле Михаила Михайловича  
Борцова*

Чтобы заниматься вопросами земства, Борцову приходилось половину недели жить дома, в Заречье, а половину в Данилове. Кучер приезжал за ним каждый раз на полустанок к поезду в экипаже или с верховой лошастью. Однажды зимой, в метель, кучер опоздал. Михаил Михайлович пошел пешком. Стало жарко, распахнул шубу. Когда лошадь встретилась, сел в экипаж и продрог. Заболел воспалением легких и умер. Моя бабушка с мужем еще успели застать его в живых. На похороны съехалось много народу. Хоронили как военного: впереди несли подушку с орденами, вели его верховую лошадь.

Похоронен он на кладбище церкви в Николо-Отводном. На памятнике скромная надпись: «Михаил Михайлович Борцов. Сконч. 24 января 1910 г. 67 лет».

Кроме фотографий Борцовых, Гладковых и Китицыных, в альбомах есть и фотографии любимых нянь. Так, под фотографией одной старушки сделана надпись: «Няня М.М. Борцова».



*Няня М.М. Борцова*

УСАДЬБА ЗАРЕЧЬЕ.  
МАРИЯ НИКОЛАЕВНА БОРЩОВА,  
УРОЖД. ГЛАДКОВА

В Заречье М.Н. Борщова с самого начала стала заниматься хозяйством. Прежде всего, надо было уменьшить расходы. Это оказалось нелегко, так как слуги были в основном из бывших крепостных, не привыкших к отчетности. Но молодая хозяйка была энергична и требовательна и справилась с этим. Правда, ее за это недолюбливали. Завела молочное хозяйство, стали делать масло и отправлять его в Ярославль. Завели многополье, стали сеять клевер. Уменьшили число собак и лошадей. И вместо верховых завели рабочих лошадей.

В Описи имения Заречье 1918 г. (получена от О.А. Дробышевой) также указано, что сливочное масло отправляли в город, а сена было в тот год заготовлено 1700 пудов.

От бабушки я слышала, что трудно было бороться с воровством прислуги. Первое время случалось, что при довольно большом стаде даже не было молока к завтраку.

Некоторые изменения в хозяйстве носили, если можно так сказать, эстетический характер. Например, решили вывести свою породу коров – как бы в черных очках. Или, прельстившись известным пейзажем Шишкина «Рожь», попытались воспроизвести пейзаж в натуре. Но оказалось, что урожаи при этом снижаются. Видимо, деревья затеняли посевы.

У Михаила Михайловича и Марии Николаевны было двое детей: Елизавета Михайловна, в замужестве Кितिцына (1881–1966), и Николай Михайлович (1889–1918?). На одном снимке мы видим Марию Николаевну в забавной шляпке с эгреткой, сфотографировавшуюся с сыном. На другой – ее детей Лилию и Колю.

В 1918 (?) году Марии Николаевне Борщовой пришлось покинуть усадьбу. Ночью мужик на телеге тайком вывез ее из дому.

Ничего из вещей, которые были в усадьбе, не сохранилось. Когда мы с мамой в 1950-х гг. были в Ярославле, увидели в музее диван в стиле ампир с лебедями, обитый ярко-розовой тканью. Мама мне тихонько сказала:

– Это мебель из Заречья.

Благодаря любезности О.А. Дробышевской я имела возможность ознакомиться с описью «старинного инвентаря» усадьбы, сделанной в 1920 г.



*Мария Николаевна Борцова с сыном Николаем*



*Елизавета Михайловна Борцова с братом Николаем*



*Усадебный дом в Заречье 2001 г.*

*Пейзаж на месте усадьбы Заречье 2010 г.*

В ней указано немалое количество мебели и картин. Остановила мое внимание такая запись: «Диван, обит. красн. парч. с лебедами». Думаю, что тогда мы видели этот диван после реставрации – очень уж яркой была ткань, и сияла позолота на лебедах. Еще в описи есть граммофон. Полагаю, что речь идет о другом предмете. В воспоминаниях Е.М. Кистицыной есть такие строчки о ее младшей дочери Анне: «Ходить Нюта начала у бабушки в Заречье. Там поставили на пол, в большом зале, музыкальный ящик “симфонион” и завели его. И она сделала первые шаги к нему».

В конце жизни М.Н. Борщова сломала ногу. Ухаживала за ней ее дочь Елизавета Михайловна. Умерла она в 1937 г.

От нее осталась одна-единственная вещь: маленький глиняный обливной горшочек, коричневый. В нем грели сливки к ее утреннему чаю.

В книге «Судьба культурного наследия России. XX век» (М., 2003), в «черном» томе, то есть томе погибших памятников культуры, сказано:

«Усадьба Заречье, начало XIX века.

Заречье Ярославской области Даниловского района.

Заброшенная дворянская усадьба эпохи классицизма, от которой сохранились представительный двухэтажный господский дом, одноэтажный флигель и небольшой липовый парк с прямыми и диагональными аллеями, обнаруженные во время экспедиции 1999 года, проводившейся по программе Свода памятников. Планировка комплекса и облик построек типичны для

Т.В. Смирнова *Открывая старинный альбом...*

усадебного зодчества центральных областей России начала XIX века. Расположенная вдали от жилья, она, судя по всему, не используется уже давно».

Там же было и фото усадебного дома.

В 2014 г. я узнала, что не так давно один предприниматель сломал усадебный дом и разбитым кирпичом вымостил дорогу.

## НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ БОРЦОВ

Николай Михайлович Борщов был человеком исключительной честности и порядочности. Он окончил юридический факультет Московского университета. Женат был на Клавдии Константиновне Чистяковой. Жили они в Заречье.

Когда у Н.М. Борщова заболел зуб, он не мог бросить хозяйственные дела, чтобы поехать в город к врачу. Получилось заражение крови, и он умер. Случилось это в 1918 или 1919 году.



*Николай Михайлович Борщов*



*Николай Михайлович Борцов с женой Клавдией Константиновной*



*Мария Николаевна  
Борцова-младшая*

Время было тревожное. Незадолго до смерти он закопал в саду столовое серебро. Мария Николаевна, его мать, уже понимая, что он умирает, не спросила о месте клада – ведь тогда бы сын понял, что конец близок. Она винила себя в гибели сына: не настояла на поездке к врачу. А серебро так и осталось под землей. Один человек, увлекающийся поиском кладов, узнал о нем от меня и дважды ездил в Заречье с металлоискателем, но так ничего и не нашел.

Моя мама писала, что когда в 1964 г. она приводила в порядок могилы предков на кладбище у церкви в селе Николо-Отводное, то наткнулась на могильный холмик, заросший бурьяном и ничем не отмеченный. Была уверена, что это могила Николая Михайловича Борцова.

В альбоме есть две фотографии дочери Н.М. Борцова Марии. На одной девочка, совсем маленькая, сфотографирована зимой 1918 г. Видимо, в том году она и осталась сиротой. На другой фотографии мы видим уже цветущую взрослую женщину.

Мария Николаевна Борцова-младшая (1916 – зима 1941/1942) погибла в ленинградской блокаде.

На ней кончилась эта ветвь рода Борцовых.

ЕЛИЗАВЕТА МИХАЙЛОВНА  
БОРЦОВА,  
В ЗАМУЖЕСТВЕ КИТИЦЫНА



*Елизавета Михайловна  
Борцова. 1895 г.*

бабушку (она жила тогда в Москве у младшей дочери Анны Сергеевны). Вывела ее погулять, посадила на стул. Бабушка во время войны сломала ногу. Нога срослась неправильно. И она всю жизнь ходила на двух костылях, сгорбившись. Несмотря на это, она всегда старалась быть полезной близким. Говорила тихим голосом. Я как-то не знала тогда, о чем с ней разговаривать. И решила рассказать, что познакомилась с одним художником. Мы, две студентки, позиру-

Детские годы Елизаветы Михайловны Борщовой прошли в Заречье. У нее и брата была няня. Позже наняли гувернантку. Из воспоминаний Е.М. Кितिцыной: «Она была молоденькая, только что кончившая институт, сирота, бледная, худенькая, и учить меня плохо умела – не было опыта. Ее стали подлечивать от малокровия, подкармливать, и она у нас расцвела. Мама с ней подружилась, и она жила у нас до моего поступления в Институт».

Потом отец привез девочку в Москву, в Институт благородных девиц. Оставил на несколько дней до поступления у ее тетки Анны Николаевны Унковской.

В середине 1950-х гг. я пришла навестить



*Елизавета Михайловна  
Борцова. 1891 г.*



*А.Н. Унковская  
с дочерью*

ем ему для картины «Улица Горького в сумерки», а мастерская у него пополам с другим художником, которого зовут Федор Петрович Глебов.

– Он князь, бабушка. Тот художник, которому я позирую, говорит: «Князь, сегодня твоя очередь мести пол!» И к нему при мне приходил его брат, актер – Петр Петрович. И еще двоюродный брат Михалков Сергей Владимирович. Он, бабушка, изменил фамилию: раньше был Михалков.

Бабушка подняла голову и сказала совсем другим голосом:

– Глебовы никогда не были князьями.

Я была ошеломлена:

– Откуда ты это знаешь, бабушка?

– Это же наши родственники. А Михалковы еще более близкие родственники. Неужели ты этого не знаешь? Когда меня папа привез поступать в Институт благородных девиц, мы жили у

моей тети Анны, я играла с Марицей Глебовой.

На другой день я сказала Ф.П. Глебову, что он не князь. Он был неприятно поражен и поверил словам моей бабушки, только когда я сказала: «Марица». Так звали его мать. То есть она была Марией, но еще недавно воевали с турками за освобождение Болгарии, потому в семье ее звали Марицей. По современным представлениям родство очень дальнее. Но раньше, вероятно, считали иначе.

Запомнились два рассказа бабушки о царских посещениях, когда она училась в Институте благородных девиц. Царь сел с институтками за один стол. День был постный, и на обед подали пирог с гречневой кашей и жаренным на постном масле луком. Царь попробовал и сказал:

– Да, так поститься-то можно!

Бабушка передавала фразу, сказанную царем, на «о». Видимо, это был рассказ о посещении Александра III. А в следующий раз приезжал уже другой царь, и не один, а с супругой. Взяв за обедом булочку, он обратился к жене со словами:

– А помнишь, как мы такими булочками слонов кормили?

Начальницей Института была княжна Елена Александровна Ливен, добрая и ласковая. Но она не входила в жизнь детей. А жизнь эта была тяжела. Если девочка не могла сразу проснуться утром, ее обливали холодной водой. Еды не хватало. Отношение классных дам к детям было казенным и сухим. В первый же год Лиля заболела ревматизмом. На следующий год – нервное заболевание. Девочка вся подергивалась, не могла спокойно сидеть. Эту редкую болезнь называют виттовой пляской. Она так страдала, что мать взяла ее домой. Некоторые знакомые осуждали Марию Николаевну за это – ведь семья была небогата, а Лиля училась в Институте на стипендию как дочь офицера.

За год, проведенный дома, девочка поправилась. А потом ее отдали в Ярославскую гимназию. Первый

год она жила на квартире у родственниц, старушек Рыкачевых, где была очень гуманная обстановка. И страшная болезнь больше не возвращалась. А на следующую зиму Мария Николаевна приехала в Ярославль, чтобы присматривать за дочерью. Та, правда, не была этому рада: чувствовала все-таки семейный гнет.

Она еще не окончила гимназию – оставался восьмой, педагогический класс, когда к ней посватался студент Киевского университета Сергей Александрович Китицын. Он тоже должен был еще год учиться и сдавать государственные экзамены. М.М. Борцов отговаривал жениха от его намерения, говорил: «И зачем Вы женитесь на моей дочери? Мы люди небогатые, а Вы найдете себе невесту



*Елизавета Михайловна  
Борцова*



*Елизавета Михайловна  
Борцова-гимназистка*



*Елизавета Михайловна  
Китицына,  
урожд. Борщова*



*Сергей Александрович  
Китицын*

с состоянием». Но Сергей Александрович настоял, и свадьба состоялась 1 июля 1901 г. Венчались в Ярославле, в домовый церкви Духовного женского училища, начальницей которого была тогда Анна Николаевна Унковская, сестра Марии Николаевны Борщовой. Бабушка вспоминала, что все было очень парадно: обед в большом зале училища, много гостей со стороны Унковских и Гладковых.

Эта фотография С.А. Китицына сделана еще на его родине в Чернигове.

А восковые цветы, которые были на бабушке в день свадьбы, восковые свечки и белоснежные чулки долго еще сохранялись у нас. Потом я надела эти чулки, и они сразу протерлись на пятках.

Молодые после свадьбы на пароходе поехали в усадьбу Малышково под Костромой. Она была дана Борщовыми за дочь в приданое. Когда-то они купили ее, думая, что смогут проводить там зиму, бывать в Костроме в театрах и у знакомых. Но из этого ничего не получилось, потому что нельзя было оставить и хозяйство, и службу М.М. Борщова в земстве.



*Борицвы и Кितिцны.  
Слева направо: сидят М.М. Борицов, Е.М. Кितिцына,  
С.А. Кितिцын, Миша Кितिцын, Лида Кितिцына, М.Н. Борицова;  
стоит Н.М. Борицов. 1910 г.*



## ГЛАДКОВЫ

Гладковы – дворянский род, ведущий начало от Сильвестра Гладкова, упомянутого впервые в документе 1670 г., как сказано в словаре Брокгауза и Ефрона.



*Николай  
Александрович  
Гладков*

Софья Николаевна Гладкова (1805–?), урожденная Поливанова, бабушка М.Н. Борщовой, была из древнего дворянского рода, происходящего от татарина Кочевы, в крещении Онисифора (Анцифора), выехавшего в 1376 г. из Орды к великому князю Дмитрию Донскому. Отец Софьи Николаевны Николай Петрович Поливанов, полковник, участвовал в походах Суворова и в ополчении 1812 г. Моя бабушка писала о Софье Николаевне как о женщине очень доброй и по тому времени образованной. В альбоме Гладковых есть фотография с ее портрета, сделанного, когда она была молодой. У Софьи Николаевны были дети Николай, Григорий, Дмитрий и Наталья, которая вышла замуж за врача Низветского.



*Софья Николаевна  
Гладкова,  
урожд. Поливанова.*

*Фото с портрета*



*Елизавета Дмитриевна  
Гладкова*

Николай Александрович Гладков (1826–1892) окончил юридический факультет Московского университета, преподавал в Демидовском лицее Ярославля и служил в канцелярии губернатора. Потом перебрался в Москву. Имел несколько наград, в том числе серебряную медаль за труды по освобождению крестьян. О его службе имеются подробные сведения в интернете.

Мне кажется, что в его лице есть сходство с А.С. Пушкиным.

Женат он был на вдове генерала Елизавете Дмитриевне Коровкиной, урожденной Шубиной. В семейном альбоме Гладковых имеется сделанная в Москве ее фотография в широком черном платье.

От первого брака у нее были дочери Екатерина и Анна. А от второго – дочь Мария и сын Николай.

На фотографии видно, как сестры Анна и Мария похожи лицом, хотя у них разные отцы.

Елизавета Михайловна Кितिцына писала в своих воспоминаниях, что с мужем Гладковым Елизавета Дмитриевна не ладила. Стала раздражительной, нервной и поехала за границу подлечиться, взяв с собой всех детей. Для младших пригласили с собой бонну Хионию Николаевну, хорошую, образованную старушку.

Имя Хионии Николаевны встретилось в присланной мне О.А. Дробышевской выписке из переписи населения 1897 г. Она так и жила в Заречье, и записана гостьей. Было ей тогда уже 80 лет.



*Сестры Анна Николаевна  
Унковская  
и Мария Николаевна  
Гладкова*



*Александр Николаевич  
и Мария Николаевна  
Гладковы*

«бывших», живших после революции в Сергиевом Посаде, то познакомилась с Сергеем Петровичем Раевским (1907–2004). Его юность прошла в Сергиевом Посаде, в доме его тетки Анны Ивановны Хвостовой, которая была дочерью Анны Николаевны Унковской. Каково же было изумление С.П. Раевского, когда я принесла ему и показала фотографии И.С. Унковского и А.Н. Унковской из семейного альбома. Он не мог поверить своим глазам и все повторял:

– Откуда, откуда они у Вас? Бабушка... Иван Семенович... Тут он еще не адмирал...

Выяснили, что я прихожусь Сергею Петровичу троюродной племянницей. Это его несколько огорчило – он хотел бы, чтобы я оказалась внучкой, хотя бы и троюродной. Фотографию

Елизавета Дмитриевна, живя за границей, решила, что Машу – ей было семь лет – пора учить читать. Но русских книг не было. Она стала учить ее по какой-то старой газете. Девочке было трудно, мать раздражалась. Но Маша оказалась способной, читать выучилась. Вернулись домой. Однако скоро Елизавете Дмитриевне опять стало плохо. И она снова решила ехать за границу. Старшие дочери ни за что не хотели с ней ехать. Как раз тут к старшей – Анне Николаевне – посватался Иван Семенович Унковский (1822–1886), адмирал, а в то время ярославский губернатор. Он был значительно старше невесты, но она согласилась на брак, благодаря чему избежала поездки с матерью.

Когда я работала в Сергиево-Посадском музее-заповеднике и занималась темой



*Екатерина Николаевна  
Рыкачева,  
урожд. Коровкина*



*Саша Гладков*



*Александр Гладков*

Унковского он мне так и не вернул. Отдал потом только черно-белую фотокопию.

Другая дочь. – Екатерина Николаевна Коровкина – вышла замуж за Дмитрия Александровича Рыкачева.

Мальчика Александра Николаевича отдали в гимназию. Тогда Елизавета Дмитриевна хотела взять с собой за границу Машу, но та перед самым отъездом заболела тифом. Ее поместили у хороших знакомых на время болезни – в больницу тогда не клали. И Елизавета Дмитриевна уехала одна. Когда Маша поправилась, ее привезли в семью Унковских, в Ярославский губернаторский дом. Там она и жила под присмотром Хионии Николаевны, пока ее не отдали учиться в пансион в Москве.

В том частном пансионе хозяйки – две старые девы – думали только о выгоде. Кормили детей плохо. И когда девочки бегали на кухню просить хлеба, кухарка им говорила, что хозяйка сказала: «Будут просить хлеба, бей ножом по рукам». А когда приезжали влиятельные люди, то нарочно вызывали Машу, так как она была толстенькая и румяная, и говорили сладко: «Вот видите, какие у нас здоровые воспитанницы». И бедная девочка должна была мило улыбаться и приседать. Когда дошло до родных,



*Анна Николаевна Унковская, урожд. Коровкина*



*Иван Семенович Унковский*

что в пансионе так плохо, Машу перевели в другой пансион, и оттуда она сама стала ходить в гимназию. Там было свободно, никто за девочками не смотрел, но также голодно. Правда, если были деньги, то можно было что-нибудь себе купить. А когда девочки садились за стол и вынимали свою еду, начальница подходила и спрашивала: «Что это у вас, девочки? Дайте попробовать».

После окончания гимназии Мария Николаевна жила у своей бабушки Софьи Николаевны Гладковой в усадьбе Кадниково.

Моя мама рассказывала, что у Унковских дома говорили по-английски. А Мария Николаевна по-английски понимала, но не говорила. Знала хорошо только немецкий и французский. И потому стеснялась у них бывать. В воспоминаниях С.П. Раевского (Пять веков Раевских. М., 2005) также говорится, что его мать Ольга Ивановна, урожд. Унковская, говорила со своими детьми только по-английски.

После смерти брата и бабушки М.Н. Гладкова оставалась в Кадниково. В хозяйство не вмешивалась. Стала учить деревенских ребят грамоте. Ее дочь видела двоих из них уже немолодыми, и они сохранили хорошее отношение и благодарность к Марии Николаевне. И еще она лечила окрестных крестьян – ни больниц, ни школ тогда не было. Но жилось ей с хозяйкой имения, вдовой брата, женщиной необразованной, должно быть, не очень хорошо. И она согласилась на предложение М.М. Борщова выйти за него замуж.

Отец Марии Николаевны был рад пристроить дочь. Он к тому времени уже жил в Москве. Как одинокий человек взял экономку и домохозяйку, даму жадную и властную. Так что, когда ездил в Заречье и Кадниково навестить дочь и внучку, привозил подарки тайно от этой особы. Был он любителем охоты. Е.М. Китицына вспоминала: «Вот иногда он сидит, охает – ноги ломит. Вдруг входит кучер Михайло и говорит: “Николай Александрович, дичь такая-то есть. Пойдемте?” И старик забывает нездоровье, надевает болотные сапоги, берет ружье. И пропадают они на целый день».

Мать Марии Николаевны Е.Д. Гладкова, когда произошла революция (Парижская коммуна), находилась в Париже. Она очень воодушевилась, ходила по улицам с красным флагом. Видимо, эти события повлияли на ее нервную систему, и ее поместили в лечебницу католического монастыря в Швейцарии. Там она жила долго, до самой смерти. Дочь Анна Николаевна ездила ее навестить.



*Анна Николаевна  
Унковская*

Незадолго до конца к ней поехала и Мария Николаевна с мужем М.М. Борщовым, но в живых ее уже не застали. Похоронили Е.Д. Гладкову недалеко от Женевского озера. М.М. и М.Н. Борщовы побывали тогда еще в нескольких странах, но Мария Николаевна была так расстроена и так устала, что чужие края не произвели на нее особого впечатления. В альбоме есть сделанные за границей в Париже и в Неаполе фотографии М.М. Борщова, которые, по-видимому, относятся к этой поездке.

Моя бабушка говорила, что почему-то нельзя было ехать за границу в военной форме. И мы видим его на одном снимке в цилиндре, на другом – с котелком в руке. Штатский костюм совсем ему не идет.



*Михаил Михайлович Борщов  
в Париже*



*Михаил Михайлович Борщов  
в Неаполе*



*Григорий Александрович  
Гладков*



*Григорий Александрович Гладков  
с племянницей Машей Гладковой*

В усадьбе Кадниково с С.Н. Гладковой жил и ее внук Александр Николаевич Гладков, студент. Он потом служил мировым посредником. Увлекался сельским хозяйством. Завел холмогорских коров, их ни у кого в этой местности не было. Познакомился с помещиком Андреевым, который считался хорошим хозяином. Тот не был женат, но имел детей от разных подчиненных ему женщин. Они не считались барышнями, и об их образовании отец не заботился. А.Н. Гладков женился на одной из этих дочерей – Александре Афанасьевне, полагая, что она будет хорошо вести хозяйство. У них родилась дочка Софья (1879 – не раньше 1943), по словам моей бабушки, она выросла страшно избалованной и властной.

На обороте этой фотографии Соня Гладкова сделала надпись своей двоюродной сестре, моей бабушке: «Дорогой Лиле от любящей сестры /нрзб./ С. Гладкова. 14 июня 1893 года. Кадниково. 14-ти лет без одного месяца и 6 дней».



*Низветский,  
муж Н.А. Гладковой*



*Софья Александровна  
Гладкова. 1893 г.*

Отец ее Александр Николаевич Гладков умер рано – простудился на охоте, а мать дожила до 1928 г. Соня кончила гимназию. Жила с матерью летом в Кадникове, своей усадьбе, а зимой они приезжали в Ярославль и бывали в театре. У студентов Демидовского лицея там была своя ложа. И ее внимание привлек студент лицея Владимир Александрович Кितिцын – он был очень красив.

Девушка с сильной волей постаралась с ним познакомиться. Кितिцыны были небогаты, а С.А. Гладкова считалась богатой невестой. В 1899 г. состоялась свадьба. В.А. Кितिцын по его просьбе был причислен к числу дворян Ярославской губернии (сообщено О.А. Дробышевой).



*Владимир Александрович Китицын с женой Софьей Александровной*

## КИТИЦЫНЫ



Китицыны – дворяне, внесенные во II часть Родословной книги дворян Черниговской губернии, то есть дворян военного происхождения.

Мой дедушка Сергей Александрович Китицын то ли в шутку, то ли всерьез говорил, что Китицыны – потомки легендарного украинского гетмана Кытицы-Петлицы, и Гоголь описал его под именем Тараса Бульбы. Происхождение фамилии объяснял тем, что по-украински эти слова значат «кисть» и «петлица» – гетманские знаки. Когда мы жили после войны в казачьей станции Глазуновской, он в разговоре с казаками порой употреблял украинское слово «нэма». Но читать предпочитал по-французски. За отсутствием в той местности французских книг читал страницы «Войны и мира» с французским текстом.

О Трофиме Китицыне, полковнике Запорожской Сечи, известно только, что у него было два сына: Александр (1819–1885?) и Павел (1822–1896). Александр служил цензором в Варшаве, был членом Исторического и Археологического обществ. Павел – статский советник, член Медицинского совета при Министерстве внутренних дел.

Александр имел двух сыновей: Платона (1845–?) и Александра (1848–1897). Платон Александрович известен как русский историк. В Словаре Брокгауза и Ефрона указано, что он был членом Русского исторического общества, напечатал по открытым им документам ряд статей, в частности «Путешествие Екатерины II в Крым».

Александр Александрович был юристом, служил товарищем прокурора и мировым судьей. Женат был на Лидии Николаевне Ляцкой (1852–1906), по словам Е.М. Китицыной, женщине очень хорошей и доброй.



*Платон Александрович  
Китицын  
(фотография с портрета)*



*Александр Александрович  
Китицын.*

Отец Л.Н. Ляцкой был полковником, участником обороны Севастополя, а мать Елизавета Каэтановна, происходила из польского рода Фальковских. Ее отец Каэтан Фальковский был офицером русской армии.

В семье А.А. Китицына было шестеро детей: Владимир (1874–1917?), Сергей (1876–1955), Николай (1884–?), Михаил (1886–1960), Мария (1887–1974) и Александр (1893–?). Все дети по характеру были очень разные. По-разному сложились и их судьбы.

Старший из братьев, Владимир Александрович, был женат на Софье Александровне Гладковой, служил в земстве. С 1908 г. являлся почетным попечителем народного училища в селе Вятском Даниловского уезда Ярославской губернии. В «Деле» его жены С.А. Китицыной, арестованной в 1943 г., сказано, что он занимал должность вице-губернатора Ярославля. Скончался рано, кажется, от горловой чахотки. У них были сыновья Александр (1900–1937) и Владимир (1901–?).

Бабушка рассказывала, что на 300-летний юбилей Романовых ее двоюродная сестра Софья Александровна Гладкова подарила царю великолепного племенного быка.



*Лидия Николаевна  
Ляцкая, в замужестве  
Китицына*

Дальнейшую судьбу С.А. Китицыной удалось узнать из документов, присланных по моей просьбе Государственным архивом Ярославской области. В 1917 г. ее выселили из усадьбы, но она продолжала жить рядом в деревне Калита, где ей выделили надел земли, который она и обрабатывала. В 1926 г. переехала в Ярославль, жила с сыном Александром на его иждивении. В 1930–1936 гг. работала в колхозе в деревне Гриднево Лежского района Ярославской области. В 1936–1937 гг. жила в Сочи у племянницы, работала в Сочиторге лотошницей. Предполагаю, что там оказался тогда ее сын Владимир. В 1937 г. вернулась на родину, в село Вятское, рядом со своей бывшей усадьбой. Скиталась, жила в углах то у одних, то у других людей.



*Софья Александровна  
Китицына*

1 марта 1943 г. ее арестовали, обвинили в антисоветской деятельности. Сначала она не признавала себя виновной. Но уже через несколько дней подтвердила показания свидетельниц. Одна показала, что слышала такие ее слова: *«Эти 400 грамм хлеба надоели народу, посмотришь: руководители властикоμμунисты сыты по горло, а народу хлеба не дают. Разве раньше, при царе, мы так жили? При нем и горюшка народ не видел, всего было вдоволь. Теперь при советской власти народ работает день и ночь, а есть нечего».*

Другая свидетельница показала, что она говорила: *«Советская власть надоела, все ходят голодные и холодные, и что раньше этого не было».*

С.А. Китицыной было предъявлено обвинение: «Вела среди населения села Вятское Некрасовского района систематически контрреволюционную агитацию, возводила клевету на коммунистов и восхваляла старый царский строй». Приговор Военного трибунала войск НКВД: по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР шесть лет исправительно-трудовых лагерей с последующим поражением в правах на три года «без конфискации имущества за отсутствием у нее такового». Когда она скончалась, узнать не удалось.

В 1996 г. С.А. Китицына была реабилитирована. О.А. Дробышевская нашла ее имя в областной Книге Памяти «Не предать забвению» (Т. 5. С. 235).



*Александр  
Владимирович  
Китицын.*

*Тюремное фото. 1921 г.*

О сыне Софьи Александровны Александре Владимировиче Китицыне известно только из дела по его обвинению в участии в «восстании бело-зеленых банд в Даниловском районе Ярославской губернии».

Он был членом Кадниковской коммуны «Усердие», организованной в усадьбе. Поступил на службу в Участковую Транспортную Чрезвычайную Комиссию (КТЧК) по Северной железной дороге. Был арестован в октябре 1919 г. Обвинялся в знакомстве с главарем банды Пашковым, в том, что был вместе с ним на охоте, но не задержал и не сообщил о месте его пребывания. Приговорен был к высшей мере наказания. Но в заявлении А.В. Китицына из места заключения написано, что он служил в Уездной Даниловской ЧК всего полмесяца, что ему не было тогда и 18 лет, а встретился с Пашковым случайно на охоте, когда сам еще нигде не служил, а жил дома.

Дело было пересмотрено. Предложено было «заключить в лагерь условно и отправить на фронт для искупления им вины перед Советской властью». В мае 1920 г. его освободили из концлагеря и отправили на фронт. В 1921 г. снова арестовали. Он жил в то время под фамилией Вахтуров. Можно предположить, что взял фамилию жены, так как фамилия Китицын была в Ярославле хорошо известна. В Деле проходил под именем Вахтурова-Китицына. Был отправлен в Москву, находился в Лефортовской тюрьме и уже через несколько дней после ареста оказался в Бутырской тюремной больнице. Обвинялся «в раздутии фиктивной контрреволюционной организации в г. Ярославле». Он просил об освобождении, указывая на то, что дал исчерпывающие показания по своему делу и за два с половиной месяца следствия сильно подорвал здоровье. Его освободили на поруки под подписку о невыезде, так как «вина его была доказана лишь частично, и учитывая тяжелое состояние здоровья». Далее он просил разрешения выехать в Ярославль, чтобы жить вместе с братом и лечиться. Сведений о его дальнейшей судьбе не найдено. Известно только, что скончался он в 1937 г.

По делу 1919 г. он реабилитирован в 2001 г.

Сведений о его брате Владимире Владимировиче Китицыне практически нет. Известно только, что он был инвалидом – потерял правую ногу. С родными он не общался, видимо, боялся.

## БРАТЬЯ КИТИЦЫНЫ

На свадьбу В.А. Китицына с Софьей Гладковой приезжал из Киева его брат Сергей Александрович. Он тоже хотел взять невесту с приданым. Познакомился с двоюродной сестрой невесты Елизаветой Михайловной Борщовой, понравился ей. Родители, как уже сказано выше, дали в приданое усадьбу Малышково и какую-то сумму денег. Сергея Александровича привлекало сельское хозяйство. Пожив с женой недолго в Киеве, он решил поселиться в Малышкове. Там надо было все заводить: скот, сельскохозяйственные орудия, надо было и ремонтировать дом. Так что почти все приданое на это и ушло. (Дом в Малышкове. Современное фото, см. цв. вкладку, стр. 9).



*Братья Китицыны. Слева направо: Сергей, Николай, Михаил, Александр*



*Николай Александрович Китицын с женой Верой Яковлевной*

Вскоре семья С.А. Китицына стала центром, где собирались родные: на каникулы приезжали его братья Николай и Александр и сестра Мария. Однажды приезжал, возвратившись из плавания, и брат Михаил, моряк.

Николай Александрович Китицын отличался, по словам Е.М. Китицыной, тем, что любил хорошо пожить.

Мой дедушка Сергей Александрович рассказывал, что Николай как-то лежа читал и при этом ел огурцы, очищая кожуру. Его бабушка Е.К. Фальковская сделала строгое замечание, а была она женщиной очень властной. Зайдя через некоторое время в комнату, увидела, что очистков нет – он не мог не послушаться, но встать было лень. И он их просто съел.

Н.А. Китицын учился в Петербурге, там и женился, имел двух дочерей – Любовь и Софью. В Рязани живет его правнучка Алла Константиновна Бобкова (род. в 1947 г.), журналистка.

Александр Китицын по каким-то причинам после смерти отца был отправлен матерью учиться в Вологду, и жил в интернате. Потом он окончил в Петербурге Военно-юридическую академию, участвовал в Первой мировой войне, был ранен или контужен.

Позже, кажется, в результате какой-то романтической истории оказался в Париже. Известно только, что там работал шофером на бензовозе. Регулярно посылал деньги на имя няни. Когда няня умерла, и деньги вернулись ему обратно, прекратил всякую связь с родными, видимо, понимая, что это им может дорого обойтись. Моя мама, вспоминала его всегда с нежностью и называла Сашечкой, как, должно быть, было принято в семье.

Будучи в Новосибирске, я видела у своей двоюродной бабушки М.А. Ланевской (тети Мани) маленький любительский снимок девочки на краю чаши фонтана. Будто бы это была дочь А.А. Китицына. Не представляю, как фото могло оказаться в нашей стране.



*Александр  
Александрович  
Китицын (Сашечка).*

*Вологда*

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА КИТИЦЫНА,  
В ЗАМУЖЕСТВЕ ЛАНЕВСКАЯ



*Мария Александровна  
Китицына. 1905 г.*

Мария Александровна Китицына как сирота была принята в Московский Александровский институт и окончила его в 1905 г. На фотографии мы видим ее в парадной институтской форме.

В старости она вспоминала, что к ним приезжал почетный попечитель этого учебного заведения Александр Александрович Пушкин, старший сын поэта, дарил воспитанницам коробки конфет. Она сохранила его фотографию. На каникулы приезжала в Кадниково или в Малышково. Записан ее рассказ о поездке в Кадниково зимой. На поезде она ехала до Данилова. А на станцию за ней присылали две пары лошадей с розвальнями. Поверх шубы ей надевали тулуп, на ноги – валенки, еще закутывали шальями, так что она дороги совсем не видела. Должно быть, зимы тогда были много холоднее.

Замужем была за Адамом Иеремиевичем Ланевским.

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ  
КИТИЦЫН

Самым известным из Китицыных был Михаил Александрович, моряк.

В детстве от мамы я слышала, что когда он однажды приезжал из плавания в Малышково к родным, то привез кокосовый орех, который очень интересовал детей. Его долго катали, потом решились просверлить, ожидая, что потечет кокосовое молоко, но надежда на это не оправдалась.

Приведенные здесь фото найдены в интернете. В интернете есть даже объявление о продаже его фотографии 1916 г. как антикварной ценности за 2662 доллара. Там же, в интернете, я обнаружила и портрет М.А. Китицына работы Алексея Лопато, представленный в 2014 г. в Екатеринбурге на вы-

ставке «Герои Отечественной войны. Забытые имена». Портрет крайне огорчил. Изображен какой-то толстяк со зверским взглядом. А ведь он таким не был.

Моя бабушка считала, что он был вспыльчивым, увлекающимся, но очень сердечным к своей семье. Говорила, что волосы он потерял после кругосветного плавания. Но, как выясняется, в кругосветном плавании он не был. Возможно, имелся в виду поход эскадры во время Русско-японской войны, закончившийся Цусимским сражением, в котором он принимал участие.

Название подводной лодки «Тюлень», которой он командовал во время Первой мировой войны, я слышала с детства. Знала, что он как-то оказался в эмиграции, но никакие подробности известны не были. К своему удивлению в Новосибирске у Марии Александровны, его сестры, я увидела бледную любительскую фотографию Михаила Александровича среди деревьев. Тетя Маня сказала, что снят он во Флориде, в апельсиновом саду. Бог знает, как попала к ней эта фотография. Теперь в интернете появилась масса материалов о судьбе этого человека. Можно заказать и книгу: Джесси Рассел. Китицын Михаил Александрович. 2013 г.

Изложу вкратце имеющиеся сведения.

М.А. Китицыну было 12 лет, когда скоропостижно скончался его отец. Он учился в гимназии, потом окончил Морской корпус в Петербурге, а после Русско-японской войны еще Офицерский класс подводного плавания. В 1916 г. командовал подводной лодкой «Тюлень». Ему было поручено разведать, где находится скопление вражеских судов в бухте Варны. Задача была выполнена блестяще, несмотря на то что бухта была заминирована, а конструкция самих подводных лодок была тогда такова, что не было никаких средств для очищения воздуха. И закупоренные в ней моряки страдали страшной головной болью – им пришлось пробыть под водой 17 часов, что было рекордом в то время. «Тюленю» также удалось взять на бордаж и привести в Севастополь большой вражеский корабль – единственный случай в истории морских сражений. При этом моряки подлодки выловили из воды



*Михаил Александрович  
Китицын*

капитана корабля и нескольких моряков, спасавшихся на шлюпке, когда на корабле начался пожар. М.А. Кितिцын был награжден всеми российскими орденами, в том числе Георгием 4-й степени и получил Георгиевское оружие «за отличие в делах против неприятеля».

В сентябре 1917-го он был назначен начальником Отделения гардемаринских курсов в Петрограде. В то время не было возможности провести морскую практику на Балтийском море, и было принято решение провести ее на Дальнем Востоке. Учащихся под руководством М.А. Кितिцына специальным поездом отправили во Владивосток. В 1920 г., когда стало ясно, что Дальний Восток будет захвачен красными, Кितिцын, командуя небольшим отрядом судов, ушел с кадетами и гардемаринами, а также моряками и членами их семей. Принял решение идти в Севастополь, к Врангелю. Плавание было очень тяжелым. Только решительность капитана позволила пройти этот путь. В Порт-Саиде его надолго задержали англичане. Кितिцын заявил, что если разрешение на выход не будет дано, он выведет два корабля в Суэцкий канал, поставит поперек и затопит. Разрешение было дано, также ему дали уголь, воду и провизию.

А через пять дней после прибытия Кितिцына в Севастополь Врангель объявил об эвакуации Белой Армии из Крыма. Судно «Якут» под командованием Кितिцына участвовало в эвакуации людей и самостоятельно дошло до Бизерты, куда был отправлен Российский флот. Этот тунисский город стал местом последней стоянки Российской эскадры.

В Бизерте Кितिцын еще мечтал о возвращении в Россию, считал необходимой подготовку будущих офицеров. В 1921 году из воспитанников Владивостокского и Севастопольского училищ образовали Морской корпус, помощником начальника которого был назначен Кितिцын.

Из книги Анастасии Ширинской «Бизерта. Последняя стоянка» (М., 1999):

*«В казематах форта Джебель-Кебир размещался Морской корпус. Первым в нем обосновался капитан 1-го ранга Кितिцын со своей знаменитой Первой Владивостокской ротой. Они пережили агонию Морского корпуса в Петрограде и исход из Дальнего Востока. Они пересекли в исключитель-*



но тяжелых условиях океаны и моря, чтобы добраться до Севастополя в часы эвакуации Крыма. В Бизерте при помощи французских военных они подготовили форт для своих братьев, оставшихся на “Алексеев”. Стены Джебель-Кебира стали последним убежищем Морского корпуса. Все кадеты, маленькие и большие, говорили о Китицыне с большим уважением. Михаил Александрович всецело посвятил себя воспитанию учеников и организации их жизни в Кебуре».

Один из его воспитанников писал: «... он был олицетворением примера. Рыцарь без страха и сомнения. Идеальный Офицер и Командир».

После выпуска Владивостокской роты гардемаринов Китицын считал свою миссию выполненной и уехал в США. Работал таксистом. А получив американское гражданство, поступил инженером на городскую службу, строил нью-йоркскую подземку, в том числе тоннель под Гудзоном. В годы Второй мировой войны служил в американских ВМС – работал топографом на строительстве военно-морской базы в Вирджинии. Позже вновь работал инженером в компании по орошению земель. Вышел в отставку в 71 год.

Он стал основателем и первым председателем Общества офицеров Российского императорского флота в США. Общество помогло десяткам людей, оказавшимся на чужбине, не потерять себя.

Как-то в 1990-х гг. в «Московском журнале» я увидела групповую фотографию моряков этого общества, в центре сидел дядя Миша. Сразу узнала его – ведь фотография четырех братьев Китицыных была в одном из семейных альбомов, которые я так любила смотреть.

Сам он, видимо, считал главным событием своей жизни взятие в плен корабля противника, так как написал воспоминания «На подводной лодке “Тюлень”». Но мне кажется, что спасение гардемаринов – главная его заслуга. Однажды в интернете я обнаружила сайт, где говорилось,



*Общество бывших морских офицеров в Америке. М.А. Китицын в центре. 1937 г.*



*Михаил  
Александрович  
Китицын  
в Америке*

что в Бизерте были случаи самоубийства учащихся Морского корпуса. Потеря Родины, безысходность толкали их на это страшное решение. Тогда Китицын издал приказ: трупы самоубийц будут выкинуты в степь на съедение диким зверям. И самоубийства прекратились. Впоследствии разыскать этот сайт мне не удалось.

Умер Михаил Александрович в своем доме во Флориде.

В декабре 2010 года в Чернигове, откуда М.А. Китицын родом, было принято решение о переименовании одной из улиц в улицу Подводника Китицына. А на чествовании его 125-летия его посмертная награда «Орден Командора» была передана в музей в Одессе.



*Памятная доска  
в Чернигове*



*Братья Китицыны.  
Слева направо: Михаил, Александр, Николай, Сергей*

УСАДЬБА МАЛЫШКОВО.  
СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ  
КИТИЦЫН

У Сергея Александровича и Елизаветы Михайловны Китицыных было трое детей: Лидия (1903–1990), Михаил (1904–1982) и Анна (1912–2002).

Моя мама Л.С. Китицына, глядя на фотографию 1908 г. вспоминала, что она почувствовала себя польщенной, когда фотограф положил на стул возле нее веточку черемухи. Но потом он поставил возле брата вазу с целым букетом черемухи...

Сергей Александрович, окончивший юридический факультет Киевского университета, стал адвокатом. Но его, видно, совсем не увлекала эта профессия. Ночами он играл в клубе в винт, а вернувшись домой, спал. Клиенты приходили, заставляли его спящим и обращались к другим адвокатам, так что семья отчаянно нуждалась в деньгах.

Однажды клиенты привезли для младшей дочери Нюты роскошную куклу. Произошло это в отсутствие Сергея Александровича. Он счел куклу подкупом. И заставил вернуть, несмотря на слезы любимой дочери.

У моей мамы Лидии Сергеевны Китицыной есть воспоминания о жизни в Малышкове. Она писала, что отец иногда вспоминал, что он малоросс, и тогда всей семьей шли варить полевой суп-крутяк. «Выходили за наш парк, располагались на границе



*Лидия и Михаил Китицыны. 1908 г.*



*Анна и Лидия Китицыны.  
1921 г.*

двух полей, размежеванных линией берез или рябин, и разжигали костер. Смысл полевого супа заключался в том, что в одном котелке, или казанке, как говорил папа, варилось одновременно и первое, и второе. Закладывали в казанок что-нибудь мясное, чаще всего курицу, картофель и крупу. Папа говорил, что если ничего мясного нет, то можно класть в суп даже ворону. Правда, вороньего супа мы никогда не варили. Когда суп был готов, сливали “юшку” в миску, а оставшееся на дне толкли – получалась каша. Все это казалось романтичным».

Вспоминала она и о том, что ее отец любил эксперименты. Так, однажды купил козу. Какой породы была коза, никто не задумывался. Что от нее можно ждать: шерсти или молока, никто не знал. Козочка была красавица. Маленькая, изящная, пушистая, светло-серого цвета, с сережками. Все ею любовались. Потом прикупили ей козлика, серенького, простой породы, не пушистого. Так жили козочка и козлик, но потомства у них не было, не было от них ни шерсти, ни молока. Пришлось продать козу.

Купил он как-то гуся и двух гусынь. Предполагалось, что гуси будут плавать в прудах в парке. Но воды они боялись, и надо было загонять их туда прутом. Долго не было у них потомства, наконец, родился один гусенок, и тот вскоре утонул.

Кто-то сказал, что это гуси степные и к воде непривычны. Тогда решили расстаться с ними. Из гусяного пуха сделали маленькую подушечку. Мамина сестра Нюточка звала ее «маля подуша».

Одно время Сергей Александрович увлекался международным языком эсперанто. Дети тоже знали несколько слов на этом языке. Подростком мама любила рыться в книжном хламе, сваленном в кучу на чердаке малышевского дома. Учебники и книжки на эсперанто валялись рядом с печатными циркулярами Николая I по делу декабристов.

Летом 1913 г. в Кострому приезжал царь на празднование трехсотлетия дома Романовых. Семья тогда жила на Нижней Дебре. А в конце этой улицы была устроена юбилейная выставка. Окна открывать не разрешалось, но смотреть из окон было можно. Мама вспоминала, что, когда царь с семейством должен был проследовать мимо их дома, Сергей Александрович принципиально не подошел к окну. Он принадлежал к людям свободной профессии, не был государственным чиновником и потому не был обязан, как все чиновники, участвовать в торжествах. Считал себя социалистом. А дети, конечно, торчали у окон и видели, как между двумя шеренгами городских проходила царская фамилия в сопровождении свиты.

Потом Сергей Александрович увлекся идеей кооперации. Видимо, перед войной 1914 года организовал кооперативное общество из крестьян Шунгенской и Саметской волостей. На Молочной горе открыли лавку, где продавали хомуты и разный сельскохозяйственный инвентарь. Он стал бесплатным председателем этого общества. От платы отказался, так как это влекло бы постоянную работу, а он был ленив. Придя домой с собрания по организации кооперативного общества, он подробно все рассказывал жене, а она должна была написать статью в газету об этом. Он также редактировал журнал «Костромской кооператор» в голубых обложках.

У детей была няня Александра Ивановна Яковлева. В семейном альбоме есть ее фотография. Она сначала вырастила детей у помещиков Ушаковых в усадьбе Озёрки. Ей дали хорошую рекомендацию, и ее пригласили Борцовы. Вырастила их детей – Елизавету и Николая. Дети ее обожали. Когда выросли, стала экономкой. А позже еще вырастила и старших детей



*Няня Александра Ивановна  
Яковлева*

Коля, и пришло время его прикармливать, бабушка поехала в Ярославль к известному там детскому врачу за советом о рационе питания ребенка. Рацион, данный врачом, она вручила няне. Ребенок был здоров и хорошо рос. Впоследствии няня призналась, что кормила его вдвое больше, чем предписывал врач. Когда дядя Коля потом приезжал к нам, он возмущался нашим поведением, упрекал нас, что мы недостаточно любим няню и причиняем ей неприятности. Для него няня была самым дорогим, самым любимым человеком.

Няня получала у нас жалованье 5 рублей в месяц. Тратила деньги на табак (она курила), иногда покупала к чаю маковую халву, которую очень любила и называла «халвушка». Так как у мамы всегда не было денег, она должна была няне в выплате жалованья по нескольку месяцев. Няня копила

Елизаветы Михайловны. Нянчила детей и заботилась по хозяйству.

Моя мама писала про няню: «Няня наша Александра Ивановна Яковлева воспитавшая маму и ее брата, дядю Колю, теперь нянчилась с нами. Воспитывала она нас по-старинному – кричала: “Михайло!”, “Лидья!” и давала нам шлепков. Наказанные, мы бросались к ней с поцелуями: “Милая нянечка, прости!”»

Я слышала, как дачники, живущие по соседству, говорили между собой: “Выжившая из ума старуха избивает детей...”; “Что смотрят родители?” Как больно, как обидно мне было слышать такие слова про няню, которую мы боготворили. Била она нас за дело и совсем не больно.

Отец няни был многосемейный мелкий чиновник. Рано умер. Семье назначили пенсию 3 рубля. Мать не могла прокормить семью, и няня наша попала в “люди”. Когда у бабушки родился дядя



*Лидя и Миша Китицыны  
с няней А.И. Яковлевой  
у амбара в Мальшикове*

деньги и клала их на книжку в банк. А так как у нее не было родных, то свой капитал – 25 рублей – она завещала мне. Умерла няня в земской больнице от заражения крови после неудачной операции. Похоронена на Лазаревском кладбище, в настоящее время несуществующем, и я не могу установить дату ее смерти.

Деньгами няни я не воспользовалась. Часть их взяли, чтобы поставить крест и огородить могилу, так как у мамы денег не было. Потом настал 1917 год, и я перестала быть владелицей капитала».

Когда дети Лидия и Михаил подросли, и пришла пора их учить, стали на зиму из Малышкова переезжать в город – была квартира на Богоявленской улице. А в 1912 г. купили дом на Нижней Дебре (теперь ул. Кооперации). Покупка была не очень удачной. Кухня была в подвальном этаже, холодная. Елизавета Михайловна простудила ноги и долго болела. Да еще на нее легли всякие хлопоты с этим домом: ремонты, очистки. Пускали квартирантов, а те платили мало, «по-старинному». Когда старая няня умерла, никак не удавалось найти надежной няни для родившейся тогда дочери Анны (Нюты).

Вскоре после революции Сергей Александрович организовал коммуну. В нее вошли он сам, бабушка и соседи-помещики Хомутовы. Хозяйство было молочное. Бабушка доила коров. Молоко пастеризовали и продавали в Костроме. Но это длилось недолго. Дедушка влюбился, бросил семью и уехал за своей возлюбленной в Москву. Поселился он в деревянном доме, бывшей «обжорке», на Малой Пироговской улице, недалеко от Новодевичьего монастыря, в двух маленьких комнатах без всяких удобств, с соседями. Но бытовые условия его не беспокоили. Он сделал шалаш возле монастыря и ловил рыбу. Я видела у тети фотографию этого шалаша с подсолнухами возле него. А возлюбленная, кажется, скоро его оставила.

Возможно, переезд в Москву сохранил дедушке жизнь. В Костроме он был слишком заметен. Но семья осталась в ужасном положении. Бабушка как-то, получив счет за электроэнергию, в полном отчаянии просто перерезала ножницами провод. Хорошо, что не убило током.

В Москве дедушка работал в разных учреждениях. Видимо, работу ему было найти не трудно – образованных людей тогда не хватало. Его дочь Нюта рассказывала, что, будучи подростком, она приехала к нему в Москву. А тогда как раз сотрудникам учреждения, где тот работал, дали дачи в Малаховке. Дедушка перевез на дачу какую-то мебель, подушки и поселил

там Ньюту. Какие-то еще люди поселились на этой даче. Кажется, дедушка сдал им помещение. Или, может, они сами заселились. Он про дачу забыл. Ньюта в конце концов уехала оттуда. Так пропала и дача, и все вещи.

Еще Ньюта говорила, что дедушка любил помогать людям. Надо, например, знакомым продать шкаф. Он берется за это дело. И кончается тем, что ему приходится платить за шкаф самому. Но моя мама, то есть его другая дочь Лидия, говорила, что в Малышкове дедушка много помогал школе, которая там была. И учительницы были ему очень благодарны. А недавно в интернете появились сведения, что С.А. Кितिцын был основателем и попечителем земской школы в Малышкове, открытой в 1907 г. Ветхое деревянное здание было передано в 1994 г. Костромской епархии и переоборудовано под церковь. Даже была построена колокольня. Но случился пожар. Теперь на этом месте возведен каменный храм Серафима Саровского. Одна из улиц этой части Костромы названа Кितिцынской. К сожалению, ее название порой ошибочно связывают с именем Михаила Кितिцына, известного подводника.

Дедушку я увидела впервые в 1945 г. летом. Он пригласил нас к себе, потому что я сильно болела в Архангельске, и надо было переменить климат. Возможно, этим он спас меня. Страстью дедушки была ловля рыбы на удочку. Его сестра вспоминала, что рыбной ловлей он увлекался еще в детстве. Когда его дети выросли, он перестал работать и уезжал надолго на Дон, где в одном из хуторов даже приобрел хату. Так было и летом 1941-го. Уцелел он чудом. Его внешность, полувоенная одежда – он донашивал одежду сына, окажись он в оккупации – надежды не оставляли. На этой фотографии видно, что дедушка и позже ходил в старой одежде сына.

Его сын Михаил, под началом которого была часть войск химзащиты, отступал к Сталинграду как раз через этот хутор. Он и захватил отца с собой. Оставил его, когда наступление немцев было остановлено, в станице Глазуновской. А сам повел часть дальше и принял участие в Сталинградской битве. Вот в эту станицу и приехали мы с мамой летом 1945 г.



*Сергей Александрович  
Кितिцын. 1950-е гг.*

Дедушка как-то сказал, что на хуторе при отступлении наших войск к нему забежал офицер и умолял дать карту. Рассчитывали ведь воевать на чужой территории. Карты у дедушки не было, но все же в какой-то книге нашлась географическая карта СССР. Он ее вырвал и дал.

Когда мы приехали, он был сторожем на бахче и еще накопил там сена. Снимал комнату в доме, где и мы поселились, но скоро пришлось переменить квартиру. Особенно запомнилось, как мы жили на окраине, «у грейдера». Хозяева куда-то уехали и сдали нам хату – две комнаты. Дедушка сложил печку с лежанкой и спал на ней. А мы с мамой жили в проходной комнате с буржуйкой. И вот дедушка пожелал, чтобы я по утрам приходила к нему в комнату и здоровалась. Я страшно возмутилась, восприняла это, как унижение. И, конечно, здороваться не стала. Что-то вспомнил он из своей прошлой барской жизни.

Он никогда не был со мной ласков. Может быть, особенность природы. Но возможно и другое. От мамы знаю, что он считал мезальянсом брак мамы с моим отцом – В.И. Смирнов не был дворянином. Когда мы жили в Глазуновской, пришло письмо от Нюты, младшей дочери дедушки. Она писала о своем замужестве. Дедушка был чрезвычайно расстроен, что ее муж какой-то Козлов. Он все ходил по комнате и повторял эту фамилию.

Иногда под впечатлением от школьных уроков я спрашивала у него о чем-нибудь. Например, был он в 1917 году за царя или за революцию. Он ответил: «За Временное правительство».

Как-то, пустившись в воспоминания об архангельском детстве, я сказала: «Когда я была в лагере...». Дедушка спросил: «В концентрационном?». Я пришла в ужас и с тех пор всегда говорила: «В пионерском лагере». Это было не совсем верно – лагеря, в которых я бывала, назывались оздоровительными. Но «пионерский лагерь» – было понятней.

Однажды я рассказала, что учительница очень возмущалась, что один мальчик обернул тетрадь в газету с портретом Сталина. И вдруг дедушка с негодованием сказал: «Так нечего в каждой газете печатать его портреты».



*Михаил Сергеевич  
Китицын*

Никогда взрослые о политике ничего не говорили, так что эта фраза мне запомнилась.

Как-то дедушка сказал, что они (адвокаты) рассматривали дела, учитывая материальное положение сторон, и всегда настаивали на правоте бедняка. Меня это поразило несправедливостью.

Пришла весна, и дедушка решил сажать возле дома картошку по новому способу. Страсть к экспериментированию у него осталась. Тогда как раз пропагандировалась посадка картошки в земляных горшочках, рассадой. Горшочки-цилиндрики делали из газет. Дедушка высаживал их на изумление соседей, причем по шнуру, чтоб ряды были ровные.

Вскоре он уехал на хутор ловить рыбу. Как-то заезжал к нам еще раз, привез вяленых стерлядей.

А потом я видела его уже в Ростове Ярославском у дяди Миши. В Ростове мы один раз поехали с ним удить рыбу на озере Неро. Взяли лодку. И ни разу даже не клюнуло.

Когда я приехала в Москву учиться, в приемной комиссии с меня требовали справку о прописке, а в милиции – справку о приеме в институт. Замкнутый круг. И дедушка ходил со мной в милицию, чтоб меня прописали на площади Нюты, моей тети. Сам он был тоже там прописан, на Малой Пироговской, в той бывшей «обжорке». Приезжал иногда с Дона. Моментально комнаты приобретали нежилой вид – везде валялись рыболовные принадлежности и махорка. И Нюта даже плакала.

Как-то, уже в старости, дедушка в Москве на улице встретил своего бывшего сослуживца. Поговорили. Тот поинтересовался, какую Сергей Александрович пенсию получает. А дедушка никакой пенсии не получал. Какие-то небольшие деньги давали дети. Одежду он донашивал после сына-офицера. Оформил пенсию только после той встречи с сослуживцем.

Умер он в 1955 г. Никакого имущества после него не осталось, кроме рыболовных крючков.

ЕЛИЗАВЕТА МИХАЙЛОВНА КИТИЦЫНА,  
УРОЖД. БОРЦОВА

Елизавета Михайловна после смерти своей матери М.Н. Борщовой приехала в Архангельск, где находилась тогда наша семья. Все хозяйство оказалось на ней. Маленькой я проводила с бабушкой целые дни: с ней ходила в магазин, ездила на трамвае на рынок, вертелась в кухне, когда она готовила обед. И она мне много рассказывала о своем детстве и юности. Так и получилось, что многое не просто запомнилось, но я как будто видела ее детство своими глазами: цветник на солнечной стороне дома в Заречье, парк...

Восемь лет прожила я с бабушкой.

Она была с нами и в трудные военные годы. Полученный по карточкам хлеб мама делила на три части. А бабушка тайком отрезала кусочки от своей доли и подкладывала к долям маминым и моим. И поэтому мама не раз тогда ссорилась с бабушкой.



*Елизавета Михайловна Китицына с внучкой Таней Смирновой. 1939 г.*



*Елизавета Михайловна Китицына с сыном Михаилом.  
Москва, 1957 г.*

Помню, как зимой, должно быть, 1942 г. мы с бабушкой в комнате одни. Мама ушла на толкучку. Есть нечего. Дров нет. Я сижу в сумерках у холодной плиты, бабушка лежит. У нее сломана нога и никак не срастается. Бабушка стонет:

– Холодно, холодно!

Наконец, приходит мама. И тут же начинает нас ругать. Не помню за что. Наверно, вообще за скулёж.

Она тогда променяла камчатную скатерть, огромную старинную скатерть, за буханку хлеба.

Думаю, что эта скатерть была из тех вещей, которые попали из Заречья в Малышково, и, таким образом, уцелела тогда.

Нога у бабушки срослась неправильно, всегда болела. И она ходила с двумя костылями до конца своих дней.

Потом, уже ближе к концу войны, бабушка получила работу надомницы – вязала крючком бюстгалтеры для женщин-военнослужащих. Белых ниток выдавали меньше, чем было надо, не хватало для выполнения нормы. Приходилось за свой счет покупать нитки дополнительно, но зато она стала получать рабочую карточку на хлеб.

Очень помогло то, что ее сын Михаил Сергеевич, офицер, прислал свой аттестат, что позволило прикрепить карточки к магазину, где все же их получше отоваривали. А летом 1945 г. он взял ее к себе. И она жила в его семье сначала в Калининe, потом в Ростове Ярославском, где он служил. Воспитывала его маленького сына Андрюшу. А с начала 1950-х жила в Москве у своей дочери Анны.

В 1958 г. по просьбе родных Елизавета Михайловна Китицына написала воспоминания. Они заканчиваются словами: «... хотя дети все хорошо ко мне относятся, заботятся и жалеют меня, но жить что-то скучно, тем более что у меня сломана нога, и не могу быть полезной, как бывало прежде».

А она всегда стремилась быть полезной – ходила на рынок, в магазин. Когда в 1952 г. я приехала в Москву и поступила в институт, жила первый год с ней вместе у Нюты, моей тети. Как-то в дождь я спросила бабушку, почему же она не взяла зонтик, когда пошла на Усачевский рынок. Не сообразила, что на костылях и с кошелкой она просто не могла воспользоваться зонтиком.

Все, конечно, были рады, когда получили долгожданную квартиру в новом доме. Но очень скоро пластиковое покрытие с лестничных перил оказалось срезанным. Не знаю, кто и почему это делал, но так было везде. И бабушка не смогла выходить на улицу, хотя квартира была на втором этаже. Только иногда ее сын Михаил Сергеевич выносил ее на руках. Но с тех пор, когда ему с женой дали отдельную квартиру в Подмоскowie, бабушка уже никогда не была на улице.

В конце жизни она слегла.

В командировке в Красноярске я получила от мамы телеграмму: «Бабушка умерла, Олечка пропал». По этой телеграмме мне удалось достать билет на самолет. Так я и не простилась с бабушкой. А котик Олечка пропал навсегда.



*Елизавета Михайловна  
Китицына*

ЛИДИЯ СЕРГЕЕВНА  
КИТИЦЫНА

*О своей маме, Л.С. Кितिцыной я пишу на основании ее собственных «Отрывков воспоминаний», относящихся к детским и юношеским годам, ее биографии, которую она назвала «Моя трудовая жизнь», и моих воспоминаний. С моего рождения до смерти мамы мы были вместе, за исключением пяти лет, когда я училась в Москве.*

*Кострома – Ярославль – Кострома – Иваново (1903–1931)*

Она родилась 6 марта (по старому стилю) 1903 г. в Ярославле, на Срубной улице, в доме Окерблём, где жила тогда ее бабушка Мария Николаевна Борщова. А детство прошло в небольшой усадьбе Малышково, на правом берегу Волги, недалеко от города Костромы. В усадьбе был деревянный двухэтажный дом с изразцовыми печами, построенный в духе классицизма, и старый парк с прудами.

В 1960-е гг. мы с мамой как-то приезжали в Кострому и побывали в Малышкове. Мама огорчилась, что исчез островок на пруду. А в дом мы не зашли – там было какое-то учреждение.

Семья жила в Малышкове до поступления детей в школу безвыездно, то есть года до 1911 г. Потом сняли в Костроме квартиру на Богоявленской улице, в доме Михина. А летом возвращались в Малышково.

Мама писала в воспоминаниях, что она «ничем не выделялась среди деревенских подруг: такая же босоногая, в стареньком платье. Не была “главной”, как это можно было предположить. Помню, как бабы, сидя на завалинке и глядя на наше равенство, всплескивали от удивления и умиления руками и говорили: “Духи! Анделы! Лида, да ведь ты барыня!” Правда иногда я выделялась: на Троицу и Ильин день каждой Дуньке обязательно шили новое ситцевое платье. Мне же – никогда. В эти праздничные дни мне неловко было показываться в старом платье, перешитом когда-то из маминого капота».

В гимназии она, как и другие девочки, увлекалась стихами Игоря Северянина и песенками Вертинского. Они запомнились ей на всю жизнь. Но когда в 1920 г. поступила в Костромской университет, все переменялось. К рассказу о профессоре С.М. Бонди, ставшем впоследствии известным пушкинистом,

она взяла эпитафией строку Пушкина: «И ей открылся мир иной...». А рассказ о первом в жизни путешествии назвала «Первая любовь». Он начинается фразой: «Моей первой любовью был Пушкин». Тогда, в 1928 г., она побывала в Михайловском, Тригорском, на могиле поэта. А еще был Александр Блок – драма «Роза и крест» впервые была поставлена на сцене в Костроме. И она не пропустила ни одного спектакля. В студенческие годы узнала и Андрея Белого, и Максимилиана Волошина, и Всеволода Рождественского. В 1970-е гг. пыталась выписать через городскую библиотеку сборники их стихов. Но тогда это было невозможно.

Девушки-студентки словесного отделения гуманитарного факультета образовали маленький кружок. Настроены были романтически. Вопросы материальные всем семерым были чужды. В кружке никогда не говорили о личной жизни, о домашних делах. А когда узнали, что двоюродный брат одной из них учится в пищевом институте, бегали смотреть на этого молодого человека, который посвятил свою жизнь пище. Однажды участницы кружка решили определить, кто из них на какую литературную героиню похож. И признали, что Лида Китицына похожа на Юлианию Лазаревскую, святую XVII века. Тогда ее это удивило. Но в последующей жизни это сравнение подтвердилось.

Оканчивать университет Л.С. Китицыной пришлось уже в Ярославле, так как Костромской закрыли. Это было тяжелое время. Семья бедствовала в Костроме и помочь не могла. Зимой 1924/1925 г. в Ярославском университете организовалась трудовая артель. Студентов посылали на станцию Всполье расчищать железнодорожные пути от снега. Девочки орудовали лопатами, мальчики ломами кололи лед. Платили по 30 копеек в день. Мама вспоминала, как получив их, она бежала, чтобы успеть купить билет в баню. Оставить эти копейки на другой день было нельзя, настолько стремительна была инфляция.

Уже в 1960-е гг. она написала в Ярославский университет письмо с просьбой выслать ей университетский значок, так называемый «поплавок». Получила его и была как-то трогательно этому рада.

Окончив учебу, она вернулась в Кострому. Семья жила тогда в городе на Нижней Дебре. Пришла на одно из заседаний Костромского научного общества (КНО) и в конце заседания спросила: «Занимается ли кто-нибудь диалектологией?» Председатель КНО В.И. Смирнов не успел тогда с ней поговорить и стал просить всех найти девушку, задавшую этот вопрос. Ее нашли.

Смирнов понял, что нельзя упустить такого человека, но вакансии не было. Он принял ее на Этнологическую станцию КНО и, пока не добился штатной единицы, платил ей несколько месяцев из собственного кармана. Она об этом узнала только через несколько лет.

Лидия Сергеевна вспоминала, как, выполняя поручение В.И. Смирнова, пришла в Псковский музей: «Я представилась директору музея, по фамилии, кажется, Янсон. Это был весьма почтенный старик профессорского вида. Принял он меня любезно. К краеведению относился снисходительно. Василий Иванович знал и, видимо, уважал. Просил рассказать о его работе. Я с наивным воодушевлением начала говорить об этнографических работах Василия Ивановича, об археологических раскопках. Вдруг Янсон прервал меня совершенно неожиданным вопросом:

– Скажите, Василий Иванович женат?

– Его жена, Александра Серапионовна, умерла несколько лет назад, – ответила я в недоумении.

– Передайте от меня Василию Ивановичу, что если он на вас не женится, то будет дурак.

Я не передала это Василию Ивановичу, но он на мне женился».

Василий Иванович был вдовцом. Его старшему сыну Глебу было к этому времени 18 лет, он был поэтом и бродягой. Дома тогда уже не жил. А дочери Насте было 13 лет. Отец пытался объяснить Насте, что в доме нужна хозяйка. Тогда она предложила ему жениться на матери Лидии Сергеевны, его ровеснице. Конечно, наладить отношения с девочкой такого возраста было нелегко. Но Л.С. Кितिцына справилась с этим и всю жизнь была с ней в хороших отношениях.

Мне, маленькой, Настя посылала игрушки. Помню довольно большую куклу в вишневом в цветочек платье. Я так и звала ее Настей. И мишку, с которым я сфотогра-



*Таня Смирнова с мишкой,  
подаренным Настей, и клоуном,  
которого дал фотограф.  
Май 1939 г.*



*Л.С. Китицына и В.И. Смирнов.  
1927 г.*

фирована. Уже когда я училась в институте в Москве, мы с Настей какое-то время жили у маминой сестры Нюты. А Настин сын Юра жил в 1950-е годы у маминого брата Михаила, потому что у нее самой были какие-то трудности. Это длилось долго, а ребенка надо было отправлять в школу. И дядя Миша записал его на себя как сына, на свою фамилию. Тогда правила были, видимо, проще. И потом Насте не без труда пришлось заново оформлять документы, чтобы вернуть ребенка.

По этой фотографии видно, какой красивой была моя будущая мама. Только на шее у нее был страшный шрам, оставшийся с начала 1920-х годов. Она вспоминала: «У меня от голодной жизни сделалась на шее опухоль с куриное яйцо. Много позже, почти через двадцать лет, медицина, наконец, признала, что это лимфаденит. Хирург, известный всем костромичам (фамилии его не припомню), решил резать. Я не боялась операции. Мне казалось, что разрезать нарыв так же легко и просто, как порезать бритвой палец. Не тут-то было. Скальпель был настолько тупым, что врач ничего не мог с ним поделать.

С чрезвычайным усилием он проткнул нарыв и стал резать, вернее, рвать тело. Не идет. «Скоро ли?» – спрашиваю я, теряя терпение. Потратив много сил и времени, врач, наконец, разорвал нарыв. Операция была, конечно, без всякого наркоза. Забинтовали кое-как. Ваты не было, вместо ваты – пакля.

Ярко-красный рваный шрам на шее долго привлекал внимание посторонних. Едешь, бывало, в вагоне, соседи смотрят, смотрят на мою шею и спросят: «Что это у Вас за шрам?» Предполагают, видно, криминально-романтическую историю. Сейчас, слава богу, шрам побледнел и ни у кого не вызывает любопытства».

Работа на Этнологической станции очень ее увлекла. Она участвовала в ежегодных этнологических экспедициях, занималась диалектологией, записывала сказки и другие произведения народного творчества. Являясь одновременно штатным сотрудником музея, собирала экспонаты для Костромского музея (бесплатно). Принимала участие в археологических раскопках, которые проводил В.И. Смирнов.

«Четыре года, проработанные в Костроме, были самыми интересными и плодотворными», – написала она в своей биографии. Надо заметить, что автобиографию она назвала «Моя трудовая жизнь». Работа всегда была главным в ее жизни.

А работать приходилось в нелегких условиях. Позднее она писала: «Экспедиции снаряжались на самые незначительные средства и совершались нередко пешком. Не задумываясь, мы делали пешие переходы иногда в несколько десятков километров. В 1925 г., путешествуя по Костромскому уезду, мы с Беляевой питались одним толокном: подойдя к колодцу, стоящему посреди деревни, зачерпывали воды, разбалтывали в кружках толокно и тут же его съедали. Большого мы не могли себе позволить, так как обе нуждались». Опубликована в те годы была лишь одна этнографическая работа Л.С. Кितिцыной «Хлеб. Из материалов по народному питанию Костромского края». Позднее Лидия Сергеевна напечатала еще статью «Гончарный промысел в деревнях Костромской губернии». В ней нашли отражения как наблюдения, сделанные во время археологических раскопок, так и во время ее этнографических экспедиций. Она тогда обнаружила, что в некоторых местностях применяется еще архаичный – налепной способ производства, использовавшийся до изобретения гончарного круга. Говорила, что была при всех этапах изготовления глиняной посуды, кроме выемки готового товара из печи. Мастер не разрешил при-

существовать, потому что в такой момент страшно ругался – ведь может оказаться сплошной брак.

Изучала она также тканые пояски. Работа «Русское узорное тканье (костромские пояски)» в журнале «Советская этнография» была опубликована в 1940 г. Она не решилась опубликовать ее под своей фамилией, опасаясь за свою судьбу, – ведь тогда у нее уже была дочь. Публикация сделана под фамилией В.И. Смирнова.

В 1929 г. Кострому пришлось оставить навсегда. Вместе с мужем она переехала в Иваново, работала в Ивановском областном музее хранителем Кустарного отдела. Но в сентябре 1930 г. В.И. Смирнов был арестован. А ей в январе 1931 г. пришлось уволиться из музея. Через биржу труда она получила направление на должность архивариуса при Ивановском областном земельном управлении, затем была переведена на должность секретаря-статистика. Уволилась 4 августа 1931 г. в связи с переездом в Архангельск к мужу. «Ивановский период самый бессмысленный в моей жизни. Потеря времени», – написала она.

Союз их выдержал все испытания: и глумление над их любимым краеведением, и изгнание из Костромы, и арест Василия Ивановича Смирнова, и ссылку его в Архангельск. Они писали друг другу письма каждый день все время, пока находились в разлуке.

### *Архангельск (1931–1945)*

Мама как-то сказала, что после ареста мужа и разгрома краеведения она несколько лет не могла читать. Стоило открыть книгу, как начинали литься слезы. В Архангельске ей пришлось осваивать новые, совершенно чуждые ей специальности. На пустом месте она создавала библиотеку в Северном геологическом тресте, также на пустом месте организовывала Геодезическое справочное бюро, потом заведовала Картографическим справочным бюро. Работала с полной отдачей. Но через несколько лет, когда Картографическая фабрика уже ликвидировалась, увидела во дворе специально сконструированный шкаф для хранения карт в развернутом виде, хорошо ей знакомый. Уже без полок. Внутри висел рукомойник. Она написала: «Еще раз убедилась, что всегда и везде мой труд пропадает».

В 1935 г. родилась дочь, которую назвали Татьяной в честь пушкинской героини. Видно, велико было впечатление, произведенное лекциями С.М. Бонди.

В Архангельске у нас был культ Пушкина: его портрет в овальной позолоченной рамке, тома его сочинений в зеленых с черным и золотом переплетах и его толстый одностомник, декоративная тарелка со сценой из «Руслана и Людмилы». На буфете стоял его темный бюст, вылепленный маминной знакомой – скульптором Анной Сергеевной Комеловой. Ко времени моего рождения относится и мамин портрет, сделанный этой художницей. (А.С. Комелова. Портрет Л.С. Китицыной. Б., акв. 1935 г. Музей общества «Мемориал», см. цв. вкладку, стр. 13).

Мама познакомилась с ней еще в 1926 г., в Москве, на курсах музейных работников, куда та была командирована от Царско-сельского музея. Они встретились снова в Архангельске, в Краеведческом музее. Мама оставила воспоминания об этой мужественной женщине, говорившей, что ей все равно, где жить, лишь бы был парикмахер. В начале 1930-х она попала на ле-



*А.С. Комелова. Портрет  
Л.С. Китицыной. Б., акв. 1935 г.  
Музей общества  
«Мемориал»*



*Альбом. Середина 1930-х годов*

сопавал, выжила, но надорвалась, таская баланы. Я помню ее – мелко завитую блондинку, часто-часто моргавшую. Мама на мой вопрос сказала, что это у нее нервный тик. Незадолго до начала войны она вместе с мужем уехала в Ленинград и, видимо, погибла в блокаду.

Она рисовала мою маму, склонившуюся надо мной, спящей. Есть фотография, запечатлевшая маму в том же ракурсе. Укачивая меня, мама пела:

*Повар пеночку слизал  
И на кисаньку сказал.  
Вышла кисанька из кухни,  
У не глазыньки запухли.  
– О чем, кисанька, плачешь,  
О чем, милая, рыдаешь?  
Повар пеночку слизал...*

А еще пела «Мишка, мишка, как не стыдно? Вылезай из-под комода ...» на стихи Саши Черного и «Спи, дитя мое, усни, сладкий сон к себе мани...» на стихи А. Майкова.

После моего рождения папа купил четыре одинаковых альбома. На обложке лиловато-серого цвета изображена точно такая модель фотоаппарата, какая была у папы, и надпись «Potos». А листы скреплены черным шнурком для обуви. Папа пронумеровал альбомы и на каждом написал: «Танечкин альбом». Он снимал на стеклянные пластинки. А сам фотоаппарат мама уже в 1960-е гг., как и папину чернильницу, передала в Архангельский краеведческий музей по просьбе А.А. Куратова, который был



*«Интуристы» (Л.С. Китицына с дочерью). Июль 1935 г.*



*Барышня-крестьянка (Л.С. Китицына с дочерью Таней). Август 1935 г.*



*У самого Белого моря  
(Зимняя Золотица).  
Август 1936 г.*

тогда директором музея. Папа клеивал фотографии в альбомы и сам их подписывал. Сниматься в фотографии меня впервые привели весной 1937 г. При жизни папы, то есть за шесть лет, было заполнено целиком три альбома и начало четвертого. Альбомчики сильно обветшали – непрочное творение комбината «Светоч» им. Бубнова.

В 1936 г. во время отпуска мои родители производили сборы археологического материала на берегу Белого моря, около Зимней Золотицы. Эту поездку я не помню. Есть только несколько фотографий, как я купаю мишку в море. На той, что приведена здесь, мишка сидит на берегу.

В 1937 г. мы получили комнату в доме Геолтреста, деревянном двухэтажном здании коридорного типа. Коридор – длинный, длинный. Мама вспоминала, что в 1937-м ночами жильцы не спали – прислушивались к шагам по коридору: за кем пришли. Она говорила, что два месяца тогда и пол не мыла – зачем?

В детстве я много болела. Пытались найти няню. Но няни уходили – девочка была слишком беспокойной. У мамы обострился туберкулез лимфатических узлов, которым она заболела еще в голодные годы Гражданской войны. Летом 1938 г. работу пришлось оставить. Папа продал какие-то еще сохранившиеся у него вещи и отправил ее в санаторий, в Евпаторию. Лечение в Крыму помогло. И эта поездка, и новая работа стали возможны благодаря тому, что, как сказано выше, приехала бабушка – Елизавета Михайловна Китицына. Она и стала заниматься ребенком.

Потом мама поступила в среднюю школу учительницей русского языка и литературы. Она вспоминала:

«Мало помогли знания, полученные в университете. Приходилось все осваивать заново. Моя педагогическая деятельность началась в Архангельске в 1938 г. Это был самый тяжелый период в моей трудовой жизни. Я совершенно не была готова к учительской работе, не была знакома с программой средней школы, не имела навыков преподавания. Кроме того, по складу своей природы я не подходила к педагогической профессии: у меня не было учительского апломба, не



*Слева направо: Е.М. Китицына, А.С. Китицына,  
В.И. Смирнов с Таней на коленях, Л.С. Китицына.*

*Лето 1940 г.*

было самоуверенности и чувства превосходства перед учениками. Ораторскими способностями я тоже не отличалась.

В Костромском университете мы изучали Лукреция, Плавта, Теренция, трубадуров, миннезингеров и мейстерзингеров, Шатобриана и Гофмана и т. д. Все это увлекательно, но в школе мне не пригодилось. Очень пригодились знания, которые я получила, слушая лекции по истории древнерусской литературы, истории русского языка, русской народной словесности. Особенно памятны занятия с Сергеем Михайловичем Бонди, который читал курсы: “Поэтика”, “Введение в изучение Пушкина” и вел семинарий по Пушкину. Профессор Перцов читал специальный курс по Гоголю.

Словом, я приступила к педагогической деятельности с почти пустой головой. Невероятные усилия и сознание долга перед учениками помогли мне преодолеть все препятствия и трудности в этой работе».

Прежние интересы: фольклор, археология у мамы оставались. Видимо, она с таким воодушевлением рассказывала ученикам о народном творчестве, что получила прозвище Былина. Библиотека пополнилась сборниками сказок ненцев. В комнате появились дивные северные туески. А летом 1940 г. мы поехали в археологическую экспедицию.

В то лето к нам приезжала во время отпуска мамина сестра Нюта. Мы все вместе сфотографировались. На ней было красное платье в белый горошек. А красный цвет – мой любимый. И я все приставала к ней с вопросом: «Когда ты его износишь?» Привыкла, что мне шьют из старого. Она потом прислала кусок материи – красной с белыми цветами. И в 1943 г. бабушка сшила мне из нее платье. Эта фотография приклеена к обложке одного из альбомчиков.

А на этих снимках счастливое лето 1940 года. У папы и мамы отпуск. Мы на озере Лаче под Каргополем. В экспедиции еще двое: Иван Ермолаевич из



*У костра с директором Каргопольского музея В.Ф. Евстафьевым. 1940 г.*

Архангельского краеведческого музея и молодой человек Тоня. Главный – папа. В Каргополе мы поселились в пустовавшей летом школе. Раскопки на другом берегу озера. Туда и обратно нас каждый день доставлял на лодке заведующий местным краеведческим музеем. Так досадно, что я забыла имя и отчество этого человека. А фамилию Евстафьев, знаю потому, что она надписана под фотографией, где мы с ним сняты у костра рядом с местом раскопок.



*После трудового дня  
на берегу озера Лаче.  
1940 г.*

В то время в Каргополе почти не было продуктов в магазинах. Евстафьев ловил рыбу. Не знаю, был ли он очень хорошим рыболовом, или озеро кишело рыбой, только каждый день он привозил огромный улов. Мы варили



*На раскопках под Каргополем. 1940 г.*

на костре великолепную уху и наедались до отвала. Впрочем, это не совсем верно: мы, кроме мамы. Уже лет восемь мама была строгой убежденной вегетарианкой. Она как-то потом призналась, что порой смотрела на меня с отвращением, когда я ела мясо. Но папа не разрешил ей сделать из меня вегетарианку. Бедная мама весь день работала голодной. А вечером в школе варила себе на плитке какую-то кашу, кажется, даже без масла – масла в городе просто не было.

Меньше чем через год началась война.

Папа умер 22 октября 1941 г.

Скоро начался голод. Я тяжело заболела. Мама распухла от голода. Но ей нельзя было опускать руки, надо было спасать семью. Она вспоминала: «Я преподавала по совместительству русский язык лежащим больным у их постелей в костнотуберкулезном отделении больницы. Учила подростков в вечерней школе. Принимала экзамены в медицинском техникуме. Была донором. Дежурила в подшефном госпитале. Летних отпусков учителям тогда не давали. Пилила дрова для школы, сплавляла бревна по каналу на лесобирже, работала маляром на ремонте школы. Вместе с учениками работала на полевых работах в совхозах и колхозах. В редкие выходные дни, осенью, ездила одна, не думая об опасности, в неведомые мне архангельские леса за брусникой. Меняла бруснику на хлеб. В те дни, когда получала больничный лист, отправлялась на толкучку и меняла на хлеб все, что могла. Готова была отдать за маленький кусочек хлеба любую вещь, потому что не могла вернуться домой с пустыми руками».

Помню, что когда мама летом участвовала в ремонте школы, она приходила домой то с желтыми, то синими от краски руками.

В поездки за брусникой меня она никогда не брала. Привозила целую белую корзину брусники. Я перебирала ягоды. Иногда при этом попадался грибок. Как-то раз мама решила продать корзину брусники. Мы пошли к мосту через Кузнечиху. Ягоды покупали охотно. В мою обязанность входило получать деньги. И тут маме показалось или это вправду было так, что я с кого-то не взяла денег за два или три стакана. И она стала меня попрекать этим. Наверное, потому так и запомнился тот случай.

Про людей, которые жили совсем плохо, в Архангельске говорили: «Они лебеду едят». Мы ели не лебеду, а какое-то другое растение. Не знаю, как оно называется. Листья у него, как у моркови, а корень, как у петрушки. Вкус сладковатый и противный. Росло оно на берегу реки, на склоне. С корнем

мне удавалось вырвать редко. Собирала траву. Ползая так по склону, не поднимая головы, наткнулась раз на кучу грязных бинтов, гипсовых рук и ног. Выбросила все собранное. Рядом было здание школы, занятое с началом войны под госпиталь. Бабушка сушила эту траву и потом делала как-то из нее котлеты.

Раз я нашла на берегу, у воды, мертвого окуня. Он подсох, но не испортился.

А мама съела свой мигреновый карандаш.

Запомнилось, что однажды, придя домой, мама с удивлением сказала бабушке об учительнице, которая говорит в школе вслух о голоде. Не знаю, считала ли она это опасным – могут посадить за такие слова или просто неприличным. Мне кажется, что верно второе.

Уже после войны я узнала про такой случай. Ранним утром женщины ждали в магазине, когда привезут хлеб. Ведь, если не отоварить карточки, то завтра хлеба за вчерашний день не получишь. Все так устали, что легли прямо на пол. И тут вошел милиционер и закричал, чтобы поднимались. Все встали, а мама не смогла. Он ее задержал и отвел в милицию. Тогда мама ничего об этом случае нам с бабушкой не рассказала.

Недавно в Музее-квартире о. Павла Флоренского я увидела маленькую лубяную коробочку овальной формы. И сразу вспомнила, что в таких коробочках была ихтиоловая мазь. Она очень сильно пахла. Маме ее прописали, потому что у нее снова обострился лимфоденит. Наверное, это было зимой 1942/1943 г. У мамы на теле были страшные нарывы.

Но и в этих условиях мама огорчалась, что каждый год из-за сильных морозов отменяют занятия в школе, как раз тогда, когда надо по программе изучать Шекспира и Гёте.

Помню, как мы с ней заклеивали белой бумагой оборотную сторону открыток, вынутых из альбомов. Обратная сторона большинства их была записана. Мама их относила на толкучку. Как-то она рассказала, что продавала на толкучке портсигар то ли карельской березы, то ли капа. Просила 5 рублей. Купил иностранец. По незнанию языка дал 50 рублей. Она лишних денег не взяла. Объяснила ему ошибку. Продала она и заводную птичку, которую мне купили до войны. Заведенная птичка подпрыгивала, и ее фиолетовый фетровый хвостик подрагивал. Купил военный, сказавши: «Так много за такую птишку!» Было жалко, что мама продала и папины подарки: духи в футляре с мелкими розочками и отрез тонкого матового шелка кремового

цвета тоже с разноцветными розочками. Папа привез его из командировки в Ленинград. До сих пор мелкие розочки, разбросанные по светлому фону, кажутся мне идеалом женственности и красоты.

А набор серебряных ложек и серебряный половник мама не продала, потому что эти вещи принадлежали первой жене отца. После войны мама передала их Насте.

Сама я была на толкучке с мамой, должно быть, только раз. Война уже кончилась. Я встала после тяжелой болезни. Помню золотистое ведерко, сделанное из большой банки из-под американских консервов. Как оно сияло на солнце! Старуха просила за него 500 рублей. Но, может быть, я все же ошибаюсь в масштабе цен.

Раз или два была я с мамой в комиссионном магазине. После войны, перед отъездом из Архангельска, мама что-то еще продавала там. Помню ее рассказ, как за две конфетницы старинного хрусталя ей предложили 40 рублей. Она не согласилась. Тут же к ней подскочила какая-то женщина и предложила те же деньги, но тогда комиссионных платить не надо. И вдруг она заплатила не 40, а 80 рублей – не поняла оценщицу: подумала, что по 40 за каждую. Шанежка в 100 граммов стоила тогда на рынке 20 рублей.

Часто меня терзал страх, что мама не вернется. Порой она, измученная тяжелой жизнью и, видимо, каким-то моим непослушанием, грозила, что уйдет из дома навсегда. Помню, как бежала за ней по двору, боясь, что она выполнит угрозу. Страшно была напугана, когда раз мама вернулась очень поздно. Просто в ужасе была. Это произошло летом, когда маму посылали на какие-то сельскохозяйственные работы.

Очень трудно было с дровами. В начале войны велели сломать все сараи, потому что опасались зажигательных бомб. А в сараях-то хранились дрова. Без них нельзя было обойтись ни зимой, ни летом – ведь сварить пищу без дров было невозможно. Я старалась собрать малейшие щепочки, остававшиеся у дома, где люди кололи дрова. Пыталась летом на берегу реки найти бревнышко. Кончилось это тем, что надорвала живот, притащив домой вынутую из воды тяжеленную корягу. Мама договорилась с какой-то соседкой, и та приносила нам охапку дров. Но это было так мало. В то же время на берегу были громадные штабели бревен. И сейчас, когда мимо меня проносятся товарный поезд с бревнами, сердце замирает от этого неповторимого запаха. Но почему-то городские власти не заботились о том, чтобы снабдить жителей топливом. И были ведь электрические циркулярные пилы. С ужас-

ным визгом они моментально распиливали толстые бревна. Сейчас я не понимаю, как нам тогда удалось выжить.

Все дети в то время пользовались большой свободой. Очень редко мы с мамой ходили куда-либо вместе. А когда ходили, она на меня сердилась: то я шла медленно, не попевала за ней, то не смотрела под ноги... Но однажды мы шли куда-то в серый день, должно быть, поздней осенью. Проходили мимо маленького сквера, совершенно безлюдного. Там были качели и такое устройство с кабинками, какие бывают на колесе обозрения. Все покрашено темно-зеленой краской. И вдруг мама предложила меня покачать. Так неожиданно было это.

Когда в конце войны в город приехал цирк с лилипутами, я побывала на представлениях раза три. Деньги на билет мама давала без просьбы.

Но однажды она поступила со мной очень сурово. Я возвращалась с девочками-одноклассницами из школы. Была весна, солнечный день. И вдруг мы увидели чистильщика обуви. Девочки тут же захотели почистить ботинки. Цена 2 рубля. А у меня денег нет. И одна девочка предложила взять у нее в долг. Потом я попросила деньги у мамы. И... о ужас! Она отказала наотрез. Я не могла объяснить, как сияли на солнце начищенные ботинки. Каким чудом было это появление чистильщика!.. Положение мое было отчаянное – долг отдать не могла. Чувствовала себя, наверное, так, как раньше офицер, пускавший пулю в лоб, когда не мог выплатить карточного долга. Мама в конце концов сжалась. Но я этот случай не забыла – в долг не беру.

А когда у меня аферистка в магазине выманила хлебные карточки, и мы оказались на грани гибели, мама не ругала. Только тихо повторяла: «Ты ведь проходила с этой женщиной мимо дома. Почему же ты не зашла, не сказала бабушке?»

Платья мне обычно перешивали из старого. Так, из папиного пиджака после его кончины сшили теплое платье. Когда мама решила меня сфотографировать, я выбрала его, как самое лучшее. Но фотограф предложил сделать еще снимок в другом платье и распустить косички. Перед этим школе отдали учителям старые кумачовые лозунги. И платье бабушка сшила из такого лозунга. Белые буквы на нем отстирали. А для кокетки она использовала маленький остаток сатина, тоже красного, с турецкими огурцами. Это было в 1942 г.

Летом мама отправляла меня в лагерь. Многие девочки писали домой письма – просили взять их из лагеря. Труден детям отрыв от семьи. Но мама говорила, что в лагере кормят. И потому я должна ехать. В первые дни в ла-



*Таня Смирнова. Май 1942 г.*

гере после отбоя я плакала, укрывшись с головой одеялом, но писем с просьбой забрать меня не писала. Знала, что должна там жить.

В 1944 г. мама, наконец, поняла, что перед лагерем надо стричь меня под машинку, иначе очень трудно потом вывести вшей.

А на фотографии 1943 г. я в платье, сшитом бабушкой из папиных брюк. Мама, видимо, почувствовала некоторую траурность черного платья и вышила на кокетке крестиком крохотные разноцветные розочки. Одна из них видна на фото. До войны у меня было два белых летних платьица, тоже вышитых мамой. Даже на моих трусиках были вышиты стебельчатым швом то груша, то бабочка, то еще что-то. И на той фотографии, где я снята вместе с бабушкой (1939 года), на холстинковом платьице виден василек. Оставшиеся от мамы нитки мулине пригодились мне в начале 1990-х. Тогда я вышила несколько мелких вещей и продала их через художественный салон.



*Перед отправкой  
в лагерь. 1944 г.*

А такие белые пелеринки еще до войны привозили, по-моему, с Кавказа.

Жить стало легче, когда через Архангельск стало поступать продовольствие из Америки. Многие вспоминают американскую тушенку. Люди, более удачливые, чем мы, поедали ее в огромном количестве, судя по жестянкам, выброшенным на помойку. Нам досталось за всю войну только две банки. Мне и сейчас кажется, что ничего вкуснее я в жизни не ела. Так жаль, что в наше время мы не покупаем в США такие консервы. Н.Н. Воронин, с которым мама была на раскопках, рассказывал, что две его старые тетушки хранили банки с тушенкой в сундуке в прихожей. Это был их неприкосновенный запас на случай новых бедствий. Через двадцать с лишним лет открыли – консервы прекрасно сохранились. А у меня многие годы сохранялась память об этой тушенке – шрам на правом виске от закругленного угла американской банки. Поссорившись, девочка Эля бросила в меня пустой банкой.



*Таня Смирнова.  
Май 1943 г.*

Пусть нам так мало досталось тушенки, но ведь Америка поставляла муку, сахар, жир, называвшийся лярдом, и яичный порошок. Так что выжили мы благодаря этим поставкам.

Через несколько лет, когда мы уже жили в Сталинградской области, мамин ученик Леон Мокров поступил в Ленинградский университет. Приехав на каникулы, он рассказал, что живет в общежитии с бывшим бандитом, который во время войны находился в Архангельске, а потом поступил на филологический факультет университета. Тот человек говорил о страшных вещах, которыми его банда занималась в Архангельске. И Леон ужасался и недоумевал, что мы как-то уцелели. А мы тогда ничего не знали про бандитов. Реальной угрозой была смерть от голода.

Врачи сказали, что следующей зимы в Архангельске я не переживу – надо менять климат. Но маму никак не отпускали с работы. С большим трудом летом 1945 года ей удалось уволиться. И мы уехали из Архангельска в станицу Глазуновскую Сталинградской области.

*Станица Глазуновская (1945–1953)*

В первые послевоенные годы в той местности была жестокая засуха и голод. Мы скитались по частным квартирам. В школе зимой было очень холодно. Ученики и учителя находились на уроках в пальто и валенках. Дрова для школы заготавливали учителя и школьники старших классов. Электричества не было. Сначала пользовались коптилкой, позднее – керосиновой лампой.

Меня мама по совету директора отдала учиться в четвертый класс, хотя в третий из-за болезни я почти не ходила. Учебников у меня не было. Девочка, с которой меня посадили рядом, об этом очень беспокоилась. Она была тоже из приезжих, отличница. Она говорила: «Что же я буду с тобой делать?», – чувствуя почему-то ответственность за меня. Не помню, как разрешился вопрос с учебниками, но учиться я стала хорошо.

В станице карточек на продукты не было. И продуктов в магазине тоже. Помню весну, когда я ходила на молокозавод с трехлитровым бидончиком за обратом, а иногда пахтой. И не было ни кусочка хлеба. Так хотелось есть, что однажды мы с мамой не выдержали – съели зерна кукурузы, купленные и намоченные в миске для посадки.

И вот однажды той весной, явилась девочка, учившаяся со мной в одном классе, толстенькая такая, румяная. Как-то так получилось, что она была детдомовской, но в то же время как приемная жила в одной семье. Поставила ведерко с картошкой. Сверху лежали два соленых огурца, больших. И сказала: «Мама велела нести, чтоб двойки не было». Я растерялась. Вернулась из школы моя мама. Я объяснила, что произошло. Она возмутилась: «Как ты могла?! Как ты могла взять?! Неси назад!» Тяжесть этого ведерка навсегда осталась у меня в памяти, хотя оно было и небольшое. Несколько раз я по пути останавливалась отдохнуть. В то время, когда строили класс по росту, я стояла на линейке предпоследней. Не росла из-за голода. Но мама не могла изменить своим принципам.

Замечу кстати, что ни о каких ужасах в детдоме я не слышала, в отличие от нынешнего времени. Может быть, дело в том, что попадали туда в основном дети из обычных семей, родители которых погибли во время войны. Но однажды во время учебного года старших детей увезли и, как оказалось, отправили на производство. В классе со мной училась детдомовская девочка Зина Скороходова. Я просила маму взять ее к нам. Но было

поздно. Мама так жалела, что не успела это сделать, все произошло внезапно. Зина написала, что попала она в Иваново, на ткацкую фабрику. И что так шумно в цехе.

Бедная девочка, еще совсем ребенок.

Случай с ведром картошки был уже, когда мы получили комнату в школьном доме. Другую комнату занимала еще одна учительница с дочерью. Она жила в станице давно и завела хозяйство. На зиму она переселялась в кухню, где была русская печь, а мы проходили в свою комнату через кухню. Иногда она приглашала меня пообедать, а маму – поесть печеной тыквы. Приглашение было как-то унижительно, но голод не позволял отказаться.

Позже случился большой урожай желудей. Станица была расположена так, что с одной стороны степь, а с другой дубовый лес в пойме реки Медведицы, притоке Дона. До реки было около трех с половиной км, и все это пространство было покрыто лесом. Голодные колхозные свиньи иногда вырывались из свинарника и поедали желуди. Но людям собирать желуди почему-то не разрешали. Приходилось ведро с желудями маскировать кистями калины на случай встречи с лесником. Желуди, наверное, раза в два тяжелее воды. Даже маленькое ведро ужасно тяжелое. Желуди парили, чистили, толкли. Мы мололи на мясорубке. Потом пекли лепешки. И эти лепешки надо было есть. Это было самое трудное – горло сводило дубильной горечью. Я проглотить не могла.

– Кому колоски, а кому желудки, – говорила старуха, у которой мы жили, рассматривая 15-копечную монету. На ней были изображены колосья и желуди. Мог ли представить дизайнер этой монеты такое толкование?

Под огородами участки выделяли, но тогда была многолетняя засуха, так что, несмотря на все труды, выросло очень мало. Картошка была такая мелкая, что из нее можно было только делать крахмал. Для этого маленькие клубеньки мололи на мясорубке, промывали, высушивали крахмал и варили кисель. Для него на крыше сушили яблоки. В лесу встречались дикие яблони, но было еще много одичавших. Они росли неподалеку от станицы. При раскулачивании отбирали сады и огороды, и яблони дичали – яблоки на них были почти такими же кислыми, как у лесных. Из этих яблок и варили кисель. Он получался мутным, грязно-розовым, с кусками сушеных яблок. Это был не тот, привычный нам жидкий кисель. При желании его можно было резать ножом.

До сих пор мне невыносимо видеть по телевизору, как киногерои поспешно уходят, оставляя на тарелках еду. Если же почему-то дома нет хлеба, у меня начинается тихая паника.

На Пасху всем соседским девочкам шили новые платья. Маме было, видно, не до этого. Все повторялось, как когда-то с ней в Малышкове. Правда, у меня была одна необычная вещь. Необычная по происхождению. Сотрудникам Костромского музея в 1920-е гг. раздали красное сукно, которое стелили в 1913 г. под ноги царю и сопровождавшим его лицам. Потом оно лежало в музее, и его сильно повредила моль. Когда-то мама покрасила доставшийся ей кусок в черный цвет. Удалось выбрать сохранившиеся, не потраченные молью места, и сшить мне жакетик.

На фотографии 10 -го класса я в этом жакете.

Все лето я бегала босиком. Мама говорила, что и она тоже ходила в детстве босой, и подошвы становились такими, что она могла ходить по стерне. Но когда в сентябре мы с еще одной девочкой в классе пришли в школу босиком, завуч стал ругать и стыдить нас. Пришлось ходить в тапочках. Тапочки были из ткани защитного цвета, их подошва сразу же протиралась насквозь, но все же создавалось впечатление, что обута. А когда начинались дожди, приходилось надевать резиновые сапоги. И тапочки, и сапоги присылал мамин брат, дядя Миша. Сапоги были, должно быть, 43 или 44-го размера. Одно время мы жили на окраине станицы, и я так уставала, дойдя в них до школы, что не было сил вымыть их в луже, как требовали дежурные. Сейчас не знаю, почему мы так жили: не было у мамы денег купить мне обувь или не было ее в продаже. Все же, когда я стала постарше, мама купила мне брезентовые туфли коричневого цвета, и у местной портнихи несколько раз заказывала хлопчатобумажные платья. Была в станице женщина, сильно болевшая ревматизмом, которая иногда тайно шила платья. Как-то мы к ней пришли, а она говорит, что только что были из сельсовета с проверкой, не шьет ли она. К счастью, на столе у нее в тот момент лежала газета, а не ткань – она хотела сделать выкройку. Она и сказала проверявшим: «Вы думаете, что я могу шить из газеты?» Те убрались ни с чем.

Вода в станице была очень жесткой. К ее вкусу мы первое время никак не могли привыкнуть. Пытались настаивать на яблоках, но получалось еще хуже. А если помыть этой водой голову с мылом, то волосы пришлось бы состригать. Шампуней тогда не было. Летом старались запастись дождевой воды. В дождь бежали подставлять ведра. С крыши текла мутная коричневая



*10-й класс Глазуновской школы.*

*Слева направо сидят: учитель математики В.П. Бурдин, Татьяна Смирнова, завуч, директор, Марфа Загороднева, Юлия Чирскова; стоят: учительница физкультуры, учительница немецкого, Белоусов, Миша Першин, Л.С. Китицына, учитель физики П.Л. Соляник.*

*Май 1952 г.*

жидкость от накопившейся там пыли. Но и такой воде были рады. Плохо, что за лето бывало обычно всего два коротких дождя. В остальное время приходилось мыть голову щелоком. Трудно было сделать правильную концентрацию. Стоит чуть передать золы, и сожжешь кожу на голове.

Бани в станице не было. То есть она раньше была, но детдомовец Мустафа ее сжег. Впрочем, местные жители от этого особо не страдали. Они считали, что надо мыть только голову и ноги. И не верили, что где-то люди моются в ваннах. Нам же приходилось мыться дома в корыте.

Мама готовилась к урокам по ночам. Считала, что подготовившись с вечера, не удержит в памяти нужный материал. Говорила, что память потеряла в голодные годы. Я просыпалась и видела, что она сидит за столом –

проверяет тетрадки. А иногда спит, уткнувшись лбом в стол, а керосиновая лампа горит.

Много всего она делала в школе. Выпускала, например, литературную стенгазету. В первом номере, помню, предложила опубликовать сочинения самих учеников или любимые стихи. Одна девочка тогда принесла свое стихотворение, кончавшееся такими строчками:

*Встанет солнце кругом.  
По утрам я всегда выходил на балкон  
И, волнуясь, смотрел на сады.*

Маму смутила фраза о солнце, которое «встанет кругом», и она как-то поправила. А мне эта запомнившаяся строчка теперь нравится.

Организовала она литературный кружок. Ученики делали в нем доклады и не только по литературным произведениям, но и по кинофильмам – в станице был так называемый народом – деревянный неотапливаемый сарай, куда иногда привозили фильмы. Их показывали частями. В кружке смотрели диапозитивы. Вообще-то электричества в станице не было, но, почему-то иногда вечером, когда проходило занятия кружка, давали ток от МТС. Были литературные вечера. И еще – литературные викторины. Для них нужны были призы, но где их взять? Мамина сестра Нюта присылала мне в посылках тетради, карандаши и т. п. До сих пор помню блокнот в глянцевой ярко-красной обложке, казавшийся небывалой роскошью. Все это, конечно, раздавалось мамой в качестве призов.

Тогда вообще не приходило никому в голову говорить о какой-то плате за все эти занятия, так же как и за дополнительные занятия с отстающими учениками. И не принято было, как сейчас, делать учителям подарки. Видимо, не было этого обычая и в дореволюционных гимназиях. Мама рассказывала: когда она училась в Костроме в Смольяниновской гимназии, одна девочка принесла коробку конфет и передала в коридоре классной даме. Та, войдя в класс, сказала: «Госпожа такая-то хочет угостить нас конфетами», и пустила коробку по рядам.

А были случаи, когда мама просто оказывала материальную помощь самым нуждающимся.

В те годы многие ученики по разным причинам отсеивались, хотя самая большая угроза учителей была почему-то такая: «Не будешь учиться, бу-

дешь в колхозе быкам хвосты крутить». Далеко не все доходили до последнего, десятого, класса. Так, когда оканчивала школу я, в 10-м классе было всего пять человек. Интересно, что материальное положение семьи тут не имело большого значения. Оканчивали школу наиболее способные и целеустремленные и уезжали учиться дальше, в основном в Москву и Ленинград. Конечно, в том, что они хорошо писали сочинения на приемных экзаменах в ВУЗ, заслуга мамы.

Многие жители станицы были совсем неграмотными, в лучшем случае могли написать свою фамилию. Станица находилась в 50 км от железной дороги. До 1951 г. радио в станице не было. А когда его привели, то не все могли позволить себе купить репродуктор. Помню, что девочка Рая Сидорова поздно вечером приходила к столбу, на котором в центре станицы висел уличный репродуктор, чтобы слушать передачи «Театр у микрофона». Мама ей как-то помогала. Она потом приезжала к нам, когда уже защитила кандидатскую диссертацию.

Дети нигде не бывали, городскую жизнь себе не представляли. Так, в сочинении на тему «Войны и мира» одна девочка о первом бале Наташи написала: «Полы были выскоблены, а на стенах развешены красивые открытки». И ведь некоторые ее ученики поступали даже на гуманитарные факультеты. Так, В.Е. Ларичев окончил восточный факультет Ленинградского университета. Стал археологом-востоковедом, работал в Сибирском отделении Академии наук, защитил докторскую диссертацию. У нас дома есть несколько его популярных книг, которые он присылал маме из Новосибирского академгородка.

Мама выписывала журнал «Литература в школе», «Литературную газету». Старалась быть в курсе всех литературных новинок. Не думаю, что ей нравились произведения лауреатов Сталинской премии, но она выписывала «Роман-газету», где они печатались. Все, конечно, за свой счет.

А на выпускных экзаменах мама, входившая в комиссию по оценке сочинений настояла на том, чтобы поставить мне четверку, вопреки мнению остальных. Хотя ошибок и не было, но она сочла, что я недостаточно раскрыла образы героев «Поднятой целины». Так что я получила не золотую медаль, а серебряную.

Расскажу еще о том, чего нет в написанной мамой биографии. В восьмой класс пришел подросток Леон Мокров. Несколько лет назад ребята нашли в лесу гранату. Захотели взорвать. Он взял, размахнулся... А сзади было дерево, по нему он и попал гранатой. Потерял кисть правой руки и глаз.



*10-й класс Глазуновской школы.*

*Справа: сидит первая Л.С. Китицына, стоит четвертый Леон Мокров.  
1948 г.*

Несколько лет после этого не учился. Мама стала с ним заниматься, конечно, бесплатно, как занималась и с другими детьми, но ему уделяла особое внимание. Можно сказать – увлеклась мыслью развить его. Увидела в нем литературные способности. Отдала ему книги, те немногие, которые удалось привести из Архангельска.

Так вот, когда Леон окончил школу, встал вопрос, что делать дальше. Понятно, что ему надо было уезжать из дому, поступать в ВУЗ – инвалиду в колхозе работы нет. Но у него были старые родители. Помогать ему не могли. Мама сказала, что будет посылать из своей зарплаты Леону деньги. И посылала каждый месяц все пять лет, пока он учился в Ленинградском университете.

Но как ему оставить родителей? У них были только маленькие пенсии – у отца по инвалидности, у матери по потере сына-офицера. Мы с мамой к тому времени получили комнату в хате, которая принадлежала школе. Наконец-то,

не надо было скитаться по съемным квартирам. Но мама решила переехать в дом родителей Леона, чтобы жить вместе с ними и вместе питаться. Тут еще сыграло роль то, что в то время учителям разрешили продавать в магазине хлеб. Не сколько хочешь, конечно, но помню, что продавали черную буханку, хотя, наверное, не каждый день. И еще учителям отпускали дрова. То есть зимой учителям выделялась делянка, и они должны сами спилить деревья. Крестьянам ни хлеба, ни дров не полагалось. Им полагались только налоги. Так что вскоре корову и теленка у родителей Леона отобрали. Бедная корова еще некоторое время сбегала из колхозного стада и стояла, уперевшись рогами в ворота. Остались у хозяйки две курицы – одну из них зарезали к приезду Леона на каникулы, да несколько овец.

И мы стали жить одной семьей.

Нам тоже в какой-то степени стало легче: маме не надо было готовить. Елена Трофимовна, мать Леона, которую мы называли мамашей, топила русскую печь и что-то варила. А дед Ермак, его отец, весной во время нереста ходил на реку ловить рыбу. И во дворе возле колодца рос лук-порей. А на дальнем огороде сажали помидоры и огурцы.

Однажды я случайно раскрыла какую-то тетрадь, лежавшую на столе, и прочитала: «Меня удивил поступок Тани, поделившейся слевой конфетой. Ведь он занял ее место в моем сердце». Поняла, что это мамин дневник и, конечно, сразу закрыла. (Не помню, откуда взялась у меня эта конфета.) Никогда никому об этом не сказала. Я жила с мамой не только в одной комнате, но и спали мы долгое время на одной кровати – второй просто не было. И все же моя жизнь была обособленной. Может быть, поэтому для меня это не стало шоком. Меня крайне удивляют истории, когда дети считают возможным вмешиваться в жизнь родителей. Кроме того, я ведь понимала, что Леон больше нуждается в помощи. И как-то смутно чувствовала, что для мамы очень важно быть нужной. Когда он уехал в Ленинград, мама очень страдала. Я же по молодости не понимала тогда тяжести ее депрессии.

А на меня мама, видимо, не возлагала больших надежд. И в самом деле, мое развитие в этой станице замедлилось. Особенно плохое влияние оказала Тоня, дочь той учительницы, с которой мы раньше жили в одном доме. Она была постарше. И подчеркивала свое превосходство, всячески унижала меня. Маме я, конечно, об этом не говорила, а она, всецело занятая уроками и трудным бытом, не замечала.

Не одобряла она моего усердия в учебе. Говорила: «Ну что ты все учишь? Учись на тройки!». Мне сейчас странно, что она не считала нужным научить меня вязать, шить. Вокруг все вязали на спицах, да и сама она умела вязать крючком, могла прострочить на машинке. А мне не разрешалось подходить к машинке – сломаешь. Но носить воду из колодца, работать на огороде, пи-лить дрова я была обязана. Вообще же мама не особенно вникала в мою жизнь. В те времена, как мне кажется, родители совсем иначе относились к детям. Все были заняты работой. И быт был трудным. Так что дети одни ходили и в лес, и на речку купаться. Но у нее очень развито было чувство долга. Когда я заболела scarlatinой, меня положили в районную больницу, потому что в Глазуновской инфекционного отделения не было. Каждый вечер мама приходила в сельсовет и просила разрешения позвонить в больницу. Меня, конечно, к телефону не звали, но я заранее писала записку, и медсестра читала ее маме. А по воскресеньям мама приходила в больницу: 20 км туда и 20 обратно. Пешком. По снегу и грязи – как раз был конец зимы – начало весны. Я долго лежала – карантин. Видеться нам было нельзя, только передачу принимали. По сути, необходимости в этих посещениях не было, но ни одного воскресенья мама не пропустила.

Еще она считала своим долгом устраивать мне елку. Всегда, даже во время войны. Даже в Глазуновской, где ели не росли. В школу на Новый год привозили сосну из районного центра – там была посадка сосен. И мама как-то договаривались, чтобы привезли еще маленькое деревце.

Разговоров на политические темы мама избегала. И все же помню такие случаи. Я как-то процитировала Маяковского: «Юноше, обдумывающему житье, решающему, делать бы жизнь с кого, скажу, не задумываясь: делай ее с товарища Дзержинского!» Мама моего восторга по поводу этих строк не разделила. Спросила только: «Ты хочешь быть милиционером?» И будто вылила на меня ведро холодной воды.

Другой случай. Комсорг школы потребовала от меня заявление о вступлении в комсомол. Я сказала об этом маме. А она сказала: «Не пиши. Спросят об отце, а ты что ответишь?» Теперь думаю, как же она не понимала: если я останусь единственной не комсомолкой в школе, это как раз и может навлечь подозрения. Но все обошлось: комсорг записала меня в комсомол без заявления – ведь охват должен был быть 100-процентным.

А с матерью Леона я порой спорила. Указывала на преимущества коллективизации, доверяя школьному учебнику. Она же говорила, что у них

беден был тот, кто «на пече лежал». Мама старалась прекратить спор: «Нечего о прошлом говорить».

Однажды, будучи дежурной, я на перемене должна была всех выставить из класса и проветрить. И вот выходявший последним Иван Алаторцев обернулся и бросил огрызок яблока в портрет Сталина со словами: «Грузин проклятый!» Я замерла от страха. И никогда, никому, и даже маме, об этом не сказала.

В 1952 г., окончив школу, я уехала в Москву. А мама скоро опасно заболела. К тому же что-то поменялось в отношениях с родителями Леона. Когда я приехала на каникулы, мама сказала, что им изменил глазомер: зимой дров для печки в комнате, где она жила, стали давать меньше, чем было надо. Леон уже к тому времени работал, имел свою семью. И мама стала не так нужна.

Но с работы ее отпускать не хотели – все еще существовал закон, не позволявший уйти по собственному желанию. Уволиться удалось только благодаря хлопотам брата, М.И. Китицына, и то только потому, что он был участником Сталинградской битвы.

### *Ростов Ярославский – Ворошиловград (1953–1958)*

Мама переехала к брату в Ростов Ярославский. Там получила необходимую врачебную помощь. И опять стала работать в школе. Скоро в Ростове стало очень голодно. Я посылала посылки с продуктами из Москвы. Вернее, не из Москвы, а из Подмосковья. Продуктовые посылки в Москве не принимали. Я ездила в Перловскую, это по Ярославской железной дороге. И на почте очень придирались. Требовали, чтобы сам фанерный ящик был в идеальном состоянии, чтобы ничего внутри не шуршало: подносили к уху и трясли.

Однажды я смогла приехать в Ростов, привезти продукты. И удивилась: мама мне так обрадовалась. Обычно она таких эмоций не проявляла. А дядя Миша через некоторое время вышел в отставку и уехал из Ростова в Москву. Военная часть, которой принадлежал дом, хотела освободить комнату. И чтобы выселить, маму оставили без воды. Водопровода не было, воду привозили в бочке. Вот и дали водовозу соответствующее распоряжение. Надо было уезжать. Но я еще училась, жила в студенческом общежитии.

Тут Леон предложил маме приехать к нему. Отношения с моей мамой у него были, как у сына с матерью. Он и звал ее мамой, как и я. А тогда у него родилась дочка. Нужна была помощь. Жил он в Ворошиловграде, работал журналистом в местной газете. И мама поехала к нему нянчиться с ребенком.



*Л.С. Китицына с Анечкой  
Мокровой. Ноябрь 1957 г.*

Очень полюбила Анечку. После моей студенческой практики, проходившей на химкомбинате в Горловке, я оттуда съездила в Ворошиловград. Но мне показалось, что все же она тяготилась положением в чужой семье.

Мне больно смотреть на эту фотографию: мама на ней такая изможденная рядом с нашими сытыми физиономиями.

После окончания института я была направлена на работу в Загорск, на завод. Дали мне койку в общежитии еще с четырьмя женщинами-работницами. Они были недовольны моим подселением. Я чувствовала себя крайне неловко. Старалась меньше бывать в этой комнате, уезжала, когда было можно, в Москву – работа сначала была сменная. А в комнате



*Л.С. Китицына с дочерью Татьяной Смирновой и  
Леоном Мокровым. Ворошиловград. Лето 1955 г.*

сидела на своей койке, не решалась подойти к столу. Чужим и чуждым было все: и завод, и город, и комната, и соседки по общежитию. Мама, получив мое письмо, поняла, как мне плохо, и приехала. Я в тот момент лежала в больнице с гриппом. Она недели три прожила без меня в этом общежитии. И у нее сложились с этими женщинами-соседками хорошие отношения. Она их спрашивала об обычаях, песнях и т. п. тех сельских местностей, откуда те были родом. Проявила к ним искренний интерес, как фольклорист.

Но надо было искать съемное жилье. Удалось найти комнату в Хотькове, в деревянном доме на берегу Пажи, у стены Покровского монастыря. Так в 1958 г. мы поселились в этом городе.

### *Хотьково (1958–1990)*

Уезжая из Архангельска, мама эпистолярный архив В.И. Смирнова оставила на хранение на чердаке дома нашей бывшей квартирной хозяйки. В конце 1950-х от нее пришло письмо, что дом будут сносить, а она уезжает из Архангельска на родину. И мама поехала туда, чтобы спасти архив. С большими трудностями она привезла эти шесть тяжелых ящиков в Хотьково. Леон Мокров нанял машинистку, чтобы перепечатать письма Василия Ивановича из тюрьмы и ссылки. Мама в это время работала над рукописью «Материалы к биографии В.И. Смирнова». Благодаря этому я в 2011 г. издала эти письма и подготовленную мамой биографию отца в книге «В.И. Смирнов. Народ в тюрьме (1930–1931). Материалы к биографии В.И. Смирнова (1882–1941)» (Сергиев Посад, 2011).

Сейчас спасенный архив В.И. Смирнова находится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея. Часть его сдала еще мама в 1970-х гг. Но тогда письма из тюрьмы и ссылки не приняли. Их я передала уже в годы перестройки.

И всё это время мама ещё добивалась реабилитации папы. Ей отказывали под тем предлогом, что он попал под амнистию, которая была в 1953 г. Но она знала, что без справки о реабилитации невозможны, например, ссылки на его работы.

Ею в 1968 г. была опубликована статья «Памяти Василия Ивановича Смирнова» в журнале «Советская археология» в соавторстве с П.Н. Третьяковым, известным археологом, членом-корреспондентом АН СССР,

который ещё школьником участвовал в археологических раскопках Костромского научного общества.

Мебели у нас тогда не было никакой. Спали мы на раскладушках. Столом и стульями служили ящики. Я не могла колоть дрова – на это не было сил. Колола мама. Она всегда была физически гораздо сильнее меня. Она же в основном ходила за водой на колонку. Но главная трудность была в том, что её не прописывали, и милиционер приходил и требовал, чтобы она и бабушка убирались в 24 часа. (Бабушка жила летом 1958 г. с нами, потому что Нюта уехала в экспедицию.) С огромным трудом через газету «Известия» маме удалось получить разрешение на прописку в том заводском общежитии, где была прописана я. И пока мне не дали квартиру, я платила за общежитие за себя, а потом и за маму. Хозяева боялись прописывать.

Запомнился такой эпизод нашей жизни в Хотькове. Как-то вернувшись с работы домой, я обнаружила, что той части дома, где была наша комната, нет. Темно уже. Куча бревен на снегу. На них белеет листок бумаги. Подошла с ним к фонарю, прочитала. Записка от мамы. Пишет, куда идти, по какому адресу. Оказалось: хозяин внезапно, не предупредив, решил перестраивать дом. Рабочие стали рушить. Мама едва успела снять зеркало со стены. Приютила нас на несколько дней малознакомая семья. Они жили в полуподвальном этаже дома на территории Покровского Хотьковского монастыря.

С трудом удалось найти новое жилье. Удалось снять две маленьких комнаты в деревянном доме, недалеко от речки Вори. Но дом был холодный, а с дровами очень трудно. Шишками и хворостом не натопишь. Иногда зимой вода к утру замерзала в ведре. Счастьем было, когда удалось купить на заводе ящики из-под сырья. В морозы замерзала и колонка. Ходить за водой приходилось далеко. Летом другая проблема. Как сохранить продукты, купленные в Москве? Холодильник купить было невозможно. Прятали продукты под дом, где попрохладней. Но они пропадали. Потом мы поняли, что их утаскивают ежи. Готовила мама на керосинке. А я все вспоминала слова Чехова о том, какая гадость «обеда из керосинки». Но ничего нельзя было поделаться. Конечно, ей было намного тяжелее, чем мне. Я-то большую часть дня была на работе, а в воскресенье обычно уезжала в Москву. Да и бытовые трудности в молодости переживаются легче. Хотя, пока работала в Загорске, приходилось задерживаться в цехе допоздна. И, возвращаясь домой с электрички по шпалам – тропинку заносило сне-

гом – я чувствовала, что если пойдет поезд, не сверну, просто нет сил. К счастью, ночью ни разу поезд мне не встретился.

Потом перешла работать в Хотьково, в научно-исследовательский институт. До работы теперь ходила пешком. Но обещанной при переходе квартиры мне не дали. Много позже узнала причину. Парторг института, будучи пьяным, покаялся мне по телефону, что это он был виноват. Оказывается, я ему понравилась, а отклика он не нашел. Вот он и сделал так, что квартиры мне не давали. А я даже не заметила его интереса ко мне. И из-за этого мерзавца страдала-то прежде всего мама!

В те годы я была такой, как на этой фотографии. Она сделана в Норильске, куда я ездила в командировку.

Но вскоре у мамы появилась радость: она стала уезжать летом на раскопки.

«С 1959 г. начался новый период моей жизни, – писала она. – Мне удалось разыскать Отто Николаевича Бадера и возобновить с ним знакомство. Он предложил мне принять участие в Камской археологической экспедиции, которая под его руководством вела раскопки в зоне затопления Воткинской ГЭС (Пермская область). Два года (1959 и 1960) я работала в этой экспедиции в качестве старшего лаборанта».

Стоит пояснить, что знакомство мамы с О.Н. Бадером произошло еще в 1920-х гг. В «Материалах к биографии В.И. Смирнова» мама писала:

«Большое впечатление на костромичей произвел приезд Б.С. Жукова с О.Н. Бадером, которые вели работы на Ветлуге, входившей в старые границы бывшей Костромской губернии. Долго потом костромичи и костромички вспоминали молодого археолога, который появился в рубашке “цвета собственного загара”, что было понято, как верх элегантности. Скорее всего, Бадер носил свою рубашку без умысла, просто она выгорела на солнце. Посещение Костромы Жуковым и Бадером не прошло бесследно для костромской археологии. Отныне сотрудница Этнологической станции Л.С. Китицына ежегодно (1926–1929 гг.) проводила свой отпуск в экспедициях Жукова,



*Т.В. Смирнова. Норильск.  
Декабрь 1964 г.*



*Второе совещание  
палеоэтнологов.*

*Слева направо:*

*В.И. Смирнов, Л.С. Китицына,  
А.А. Спицын, О.Н. Бадер  
Кострома. 1927 г.*

он со своей помощницей Симой Фадеевой переправлялся с Ветлуги на Унжу».

Возвращаясь из Камской экспедиции, мама говорила, что жители Подмосковья не имеют никакого представления о красоте природы. То ли дело Кама. И еще привозила бруснику, целое ведро, и соленые грибы. Рассказывала, что был там местный

где работала под руководством Бадера, стремясь расширить свой опыт полевой работы и усвоить передовую методику раскопок. Вот одна маленькая, но почему-то ярче всех запомнившаяся картинка из этих путешествий. В 1926 г. встреча с О.Н. Бадером была назначена в Кологриве. Доехав по железной дороге до Мантурова, я пошла пешком до места своего назначения. Путь по безлюдному песчаному тракту наволоками, то есть лесами, – 80 верст. В редко встречающихся деревнях, принимая саперную лопатку в чехле за оружие, меня спрашивали: “С обороной, девка, ходишь?” И вот, когда я, изрядно устав, прошла три четверти пути, перед глазами моими предстала такая идиллия: мостик через ручей, пасется белая лошадь, горит костерок, женщина в белом платке склонилась над котелком. Рядом смуглый мужчина в клетчатой домотканой рубаше с распахнутым воротом ломает хворост. “Цыгане”; – подумала я. И через минуту: “Отто Николаевич?” Это



*На раскопках в Пермской области. 1959 г.*

мужик, кажется, лесник, который не брал даже белых грибов. Собирал только грузди.

Потом два года она работала на стоянке Сунгирь во Владимирской области под руководством О.Н. Бадера. В 1963 г. в Москве состоялся симпозиум по стратиграфии и периодизации палеолита, который проводил Институт археологии и Институт геологии АН СССР. 3–7 сентября для участников симпозиума была организована экскурсия в район верхнепалеолитической стоянки Сунгирь. Руководили экскурсией О.Н. Бадер и В.И. Громов, геолог и палеонтолог. Ей было интересно повидать тогда знаменитостей из Венгрии, Румынии, Польши, Чехословакии и других стран.



*Участники  
Международного симпозиума на Сунгире.  
Внизу стоит О.Н. Бадер.  
1963 г.*



*Раскопки на Сунгире. 1963 г.*

На Сунгире, тогда еще не были найдены палеолитические захоронения. О.Н. Бадер, уезжая в Москву, дал маме задание к приезду геологов, участвовавших в симпозиуме, сделать разрез. Она наняла нескольких деревенских женщин и вместе с ними выкопала котлован метров 6 глубиной. Приехавший молодой вьетнамец был так впечатлен этой работой, что все порывался что-нибудь для мамы сделать, чем-то помочь. Запомнилось еще, что он гово-



*Раскопки в Золоторучье.*

*Л.С. Кितिцына моет находки. 1960 гг.*

нерадиво и небрежно орудует лопатой, я отстранила его и стала на его место. Вскоре мне попался кусок штукатурки со следами процарапанных букв. Разобрав целую грудку выброшенного раскопками щебня, я подобрала еще несколько кусков той же надписи. Н.Н. Воронин в статье “Смоленские граффити” пишет: “Подлинной жемчужиной является большая трехстрочная надпись граффити длиной 28–30 см и шириной 4,5 см, собранная Л.С. Кितिцыной по частям в щебне” (“Советская археология” 1964, № 2). Академик Б.А. Рыбаков подарил мне оттиск своей статьи “Смоленская надпись XIII века о врагах игуменах” с надписью: “Глубокоуважаемой Л.С. Кितिцыной, руками которой воскрешена надпись”».

Из рассказов мамы о раскопках в Смоленске запомнилось, что Н.Н. Воронин жил в гостинице. Но по правилам в нашей стране человек не имел права жить в гостинице больше 30 дней. И вот каждый месяц ему приходилось выселяться дня на два, а потом возвращаться. Экспедиция нашла тогда фрагменты фресок XII века. Статья Воронина о них с цветной репродукцией замечательно написанного лика была помещена в журнале «Творчество» (1963, № 9). Журнал у меня сохранился.

А в 1964 г. она начала работать в Верхневолжской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством Дмитрия Александровича Крайно-

рил: «У вас леса добрые». Пояснял, что нет тигров, удавов.

В 1962 г. ее пригласил Н.Н. Воронин участвовать в раскопках руин большого храма XII–XIII вв. на окраине Смоленска, на Протоке. Она вспоминала: «Я проработала там два сезона. Раскопки архитектурного памятника были для меня делом совершенно новым и тем более интересным, что я работала с таким замечательным человеком и ученым, как Николай Николаевич Воронин.

На раскопках у меня была маленькая удача. Видя, как школьник (рабочими были школьники)

ва, специалиста по фатьяновской культуре. В сборнике Европа в эпоху камня и бронзы, вышедшем к 70-летию Д.А. Крайнова, напечатана ее статья «Находка изображения уточек на стоянке Сахтыш I». (М., 1976).

Однажды, когда я была послана в командировку в Ярославль, мне удалось на один день приехать к маме на раскопки в Золоторучье близ Углича. Погода была холодная. Я беспокоилась, что студентки не очень хорошо очищают находки от почвы. Знала, что это создавало для мамы в дальнейшем немалые трудности. И помогла мыть черепки. Огромное впечатление произвел на меня большой камень, на котором были углубления. Их оставили в древности люди, которые при изготовлении орудий опирали на него кремни и ударяли по ним, придавая изделию нужную форму.

Кажется, к Золоторучью относится рассказ об открытии мезолита. Не знаю, насколько он точен. Будто бы один студент так приставал к Крайнову дать ему работу, когда запланированный объем был уже выполнен, что тот велел копать шурф. Студент дошел до чистого песка. Крайнов, чтоб отвяжаться, сказал: «Копай дальше». И вдруг под слоем песка обнаружили следы более древнего поселения. Его отнесли к мезолиту. И будто бы это самый северный мезолит в мире.

Платили маме только за два месяца работы в год, зачисляя ее на должность старшего лаборанта, хотя она работала круглый год. Осенью привозили с раскопок ящики. И она описывала и зарисовывала находки на специальных листах тушью. Это продолжалось несколько лет. Закон тогда не позволял платить больше.

Пенсия у мамы была маленькая. Жили мы бедно. Но мама многие годы помогала знакомым – посылала продуктовые посылки. Запомнилось, как раз я



*Участники Верхневолжской экспедиции.  
Стоит справа вторым Д.А. Крайнов,  
пятой – Л.С. Китицына. 1960-е гг.*



*Лидия Сергеевна Кितिцына с котиком Олечкой*

приехала из Москвы поздно вечером. Вышла из электрички с тяжеленными сумками. Повесила их через плечо. И тут меня догнала женщина с моей работы и стала стыдить, что я так несю. А в сумках были банки сгущенки для посылки кому-то из маминых состарившихся знакомых. Одна старушка-учительница жила в Волгоградской области, другая – подруга молодых лет – в Костроме, третья еще где-то... С продуктами везде, кроме Москвы, было очень плохо.

Еще мама отдавала много сил кошкам. На этой фотографии она с одним из самых любимых – котиком Олечкой (Оле-Лукойе). Тут виден фрагмент рамы того зеркала, которое путешествовало с мамой всю жизнь. Единственный уцелевший предмет обстановки из усадьбы Малышково. Только зеркало давно разбилось и заменено стеклом плохого качества.

Когда жили на берегу Пажи, хозяйский кот ходил к нам. Я как-то попыталась предложить ему ловить мышей. В сенях у нас стоял большой фанерный ящик с крупами, и в него проникали мыши. Но кот ловить отказался наотрез.

Первая бродячая кошка появилась у нас, когда мы еще жили с мамой в съемном жилище. За первой приبلудившейся кошкой появилось еще несколько. Осенью, уезжая с дачи, люди часто выбрасывали животных, взятых на лето. Так что когда нам дали комнату в семейном общежитии, было трудно. Один котик пропал. Думали, что погиб, а потом увидели его в садике у прежней хозяйки. Он сам нашел дорогу, даже перешел железнодорожные пути. И мама тогда сняла на лето «дачу» для кошек на этом участке и ходила их туда кормить.

В 1965 г. мы получили однокомнатную квартиру. На четвертом этаже. А кошки не придерживались определенного распорядка – каждая хотела выйти на улицу в разное время. И каждую надо было сопровождать вниз, чтобы открыть входную дверь. Через некоторое время мама начинала беспокоиться, что на улице сыро, холодно. И шла искать и звать вышедшую кошку. А их было штук 10 или больше. Кормов для животных в нашей стране тогда не существовало. Мама варила «кулагу» из рыбы и вермишели. Иногда какой-нибудь кот возвращался домой израненным после кошачьих боев. Мама тогда носила его на руках по комнате, утешала и напевала костромскую частушку:

*Режьте тело, режьте бело,  
Есть на это доктора.  
Как залечат мои раны,  
Снова драться буду я.*

Кошки часто болели, а в ветеринарной клинике в Москве обычно предлагали оставить животное на уничтожение. Как я выяснила, кошек не уничтожали, а отправляли в научные учреждения, например, ВИЛАР, для проведения опытов.

Бедой нашей были мальчишки, убивавшие кошек. Каждый такой случай мы переживали очень тяжело. Бывало, лечишь, лечишь животное, делаешь уколы. Радуешься, когда выздоровеет. А выйдет кот на улицу, и все – пропал.

Когда кошки укладывались с мамой в постель, мама вспоминала индейца Серую Сову и говорила, что ему было труднее: к нему в постель приходили мокрые бобрята прямо из проруби.

Очень трудно мне было, когда мама уезжала летом на раскопки. В выходной день в поисках хоть какой-то еды я обходила пешком все магазины – в городе тогда транспорта не было. Уехать в Москву за продуктами, оставив в квартире десяток кошек, было невозможно. Я доходила до истощения.

Порой жила у нас еще то одна, то другая приبلудившаяся собака. А вот белку, которая почему-то пошла в абрамцевском лесу прямо на руки, приютить не удалось. Кошки при виде нее пришли в исступление.

Через некоторое время бабушка, жившая в Москве у Нюты, совсем слегла. Нюта и ее муж работали. Маме пришлось каждый день ездить в Москву, ухаживать за ней. И она вынуждена была отказаться от экспедиций. Это была большая жертва с ее стороны. Но еще много лет она обрабатывала археологические находки дома. Каждую осень привозили из экспедиции ящики с черепками, загромождая всю нашу комнату.

Хозяйство вела мама. Я в основном только привозила продукты из Москвы, часто бывая там в командировках. А мама в Хотькове часами стояла в очереди в магазине, дожидаясь, что привезут молоко. Мне было жалко ее, и я как-то попросила ее остаться дома – пошла в магазин сама. Почувствовала, что она этим недовольна. И правда, возвращаясь, встретила ее, спешащую в тот же магазин. Поняла, что для нее необходимо быть нужной.

В последние годы ее память все больше ей изменяла. В 1990-м она сломала шейку бедра, поскользнувшись на кухне. Через несколько месяцев скончалась.

Не хочу помещать ее поздние фотографии. Так тяжело смотреть на нее, постаревшую, бедно одетую.

Прошло 25 лет со времени ее смерти. А я почти каждую ночь вижу ее во сне. Всегда живую. И все думаю, что нужно сделать для нее, чем порадовать. Проснувшись, не сразу осознаю, что мамы уже нет. И ничем, ничем ее порадовать уже нельзя.

**АННА СЕРГЕЕВНА  
КИТИЦЫНА**

*Анна Сергеевна Китицына.  
1938 г.*

Анна Сергеевна Китицына (Нюта) получила воспитание в отличие от старшей, Лидии, в советской школе. Приходя из школы домой, пела «Мы синеблужники, мы профсоюзники...» И еще: «Беспартийных у меня бабушка да кошка...», чем очень обижала свою бабушку Марию Николаевну Борщову. В партию, впрочем, не вступила. Кажется, причиной был случай в то время, когда она училась в институте. Вообще-то в институт ее не брали из-за происхождения. Тогда она устроилась в геологическую экспедицию коллектором и, проработав какое-то время, поступила в Геологоразведочный институт уже как рабочая. Ее выбрали комсоргом. И вот вернувшийся с летних каникул студент ее группы на собрании задал вопрос: «На Украине голод. Почему об этом не говорят?»

Судьбу студента не знаю. Понятно, что в институте его больше не видели. А Анна Сергеевна отделалась выговором. И дорога в партию для нее, видимо, была закрыта. Но всю жизнь она была настроена просоветски, внимательно читала газеты, потом еще перечитывала их вслух мужу.

Она работала гидрогеологом, большей частью в Средней Азии. Ее даже иногда называли в шутку «Китицына-Тянь-Шанская».

В 1949 г. я была в Москве на каникулах. И мы тогда вместе с бабушкой и дедушкой и тетей сфотографировались.

Нюта много помогала нам с мамой, особенно когда мы жили в Глазновской – посылала продуктовые посылки, спасая от голода. Посылала мне разные картинки, книжки. Дважды я была у нее во время летних каникул. У нее жила и первый год, когда приехала учиться в Москву. В ее тесном жилье останавливались все родственники и знакомые, приезжав-



*Слева направо сидят:  
Сергей Александрович и Елизавета Михайловна Кितिцыны,  
Елена Адамовна Ланевская;  
стоят: Татьяна Васильевна Смирнова  
и Анна Сергеевна Кितिцына (Нюта).  
1949 г.*

шие в Москву. Много лет она ждала, что сломают ту деревянную хибару, в которой поселился в 1920-е гг. еще ее отец. Соседями был барабанщик-алкоголик Плебыч с женой. Жить рядом с такими людьми было весьма неприятно. А когда сломали эту лачугу, то дали двухкомнатную квартиру на две семьи: Анны Сергеевны и Михаила Сергеевича. Было тесно и неспокойно. Но совсем плохо стало, когда Михаил Сергеевич с женой получил новое жилье, а в квартиру стали вселять чужих людей. Они часто менялись. Жизнь стала совсем невыносимой. И только незадолго до конца жизни муж тети, как участник Великой Отечественной войны получил однокомнатную квартиру. Жили они в доме на улице Усачева. Скончалась Анна Сергеевна в 2002 г.

## МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ КИТИЦЫН



*Михаил Сергеевич Китицын.  
1965 г.*

По фотографии видно, что Михаил Сергеевич Китицын, мой дядя, внешне не очень похож на русского. В московских трамваях с ним порой заговаривали на своих языках какие-то кавказцы, а он обижался на это. Помню, что и муж его сестры Анны Сергеевны говорил, что с ней он не опасается ездить на отдых в Сухуми – все принимают там ее за грузинку. У моей мамы эта восточная кровь проявилась во внешности меньше, но и она была брюнеткой и загорала моментально – лицо становилось коричневым. Ее это огорчало. И никто не знает, чья это наследственность проявилась.

В детстве Миша Китицын создал полк из деревенских мальчишек и командовал ими. Потом он стал кадровым военным. Кончил Военно-химическую академию. Перед началом войны находился в Ржанице, недалеко от границы. Командовал отдельной механизированной частью для дегазации при возможном применении противником боевых отравляющих веществ. При отступлении он вывел свою часть без потерь людей и техники и участвовал в Сталинградской битве.

Его сын как-то рассказывал мне, что будто бы под Сталинградом, поняв, что бойцы боятся, приказал брить его, усевшись на виду у противника. Не знаю, откуда он мог знать о таком случае.

Мне дядя Миша как-то сказал, что при отступлении несколько раз было так, что легковые машины с высокими чинами оказывались на дороге впереди его части. Эмки садились на брюхо, и вся колонна останавливалась. Из машин эти военные выходить не соглашались. Тогда он приказывал своим бойцам поднять машину и переставить на обочину, чтобы продолжить движение. И поэтому его дважды ставили к стенке.

В другой раз он упомянул, что выполнял приказ сбросить в Балтийское море бочки с отравляющими веществами, должно быть, немецкими. Это было, видимо, уже в конце войны.

После войны он служил в Калининe. В 1947 г. у него родился сын Андрей. Бабушка очень любила мальчика, много с ним занималась. Потом дядю Мишу перевели в Ростов Ярославский. Там у него была воинская часть и небольшой завод, где чинили противогазы и шили телогрейки. Работали на заводе в основном женщины.

Продвижение по службе у него шло трудно. Его жена Вера Григорьевна Терюханова, с которой он познакомился на войне, поссорившись с ним, писала начальству жалобы, указывая на его дворянское происхождение. А другой причиной было то, что в его личном деле какой-то начальник сделал запись «Трус». Это было, когда он еще учился в Академии. Он тогда сильно отравился при испытаниях. Его спасли, но врач предупредил, что больше ему никогда нельзя с этим веществом работать. А ему приказали через какое-то время снова испытывать это ОВ. Он отказался, а объяснить не мог, так как с него взяли подписку о неразглашении того случая отравления. Тогда и появилась эта запись. Он о ней узнал, когда уже демобилизовался.

Отношения с подчиненными у него на работе, видимо, складывались не очень хорошо. Характер был взрывной. Приехав на каникулы, я стала невольной свидетельницей, как он кричал на человека из-за того, что после комсомольского собрания в клубе было очень грязно, и на следующий день не убрали.

А жена однажды, взяв сына, уехала к родителям в Орел. Так она поступала не раз. Он обычно бросался за ней и уговаривал вернуться. Но, видно, в конце концов, устал от этих скандалов и не стал ее возвращать. Уехав, она родила дочь Тамару. Возвращаться не хотела, но и развода не давала.

Тем временем Михаил Сергеевич демобилизовался в чине полковника и приехал в Москву. По закону он имел право на московскую прописку, так



*Михаил Сергеевич Китицын,  
Москва*

как был мобилизован в армию из Москвы. А поселиться пришлось все в той же бывшей «обжорке». Из-за отказа Веры Григорьевны дать развод долго не мог оформить новый брак. Вынужден был прописать жену в качестве домработницы, что не давало ей возможности поступить на работу. Только через несколько лет это препятствие было преодолено.

Когда, наконец, дали квартиру в доме, построенном на месте «обжорки», он получил маленькую комнату в общей двухкомнатной квартире. Вторую комнату занимала его сестра Анна Сергеевна с мужем и матерью – Елизаветой Михайловной. А ему пришлось поселить у себя еще сына жены от первого брака – тот учился в сельскохозяйственном институте.

Михаил Сергеевич нашел применение своим силам: занялся цветоводством. Даже кончил цветоводческие курсы. В квартире было много комнатных растений. Подарил и мне белые и красные розы в горшках. Помню еще у него необычные цветущие герани. А во дворе среди многоэтажных домов устроил своими силами сад. Но соседи не ценили его усилий и затрат: то были недовольны, что тратит воду на полив, хотя счетчиков не было, то обижались, почему не дает рвать цветы, несмотря на то, что он оделял букетами школьников на 1 сентября.

А потом двор застроили и садика почти не стало. Через несколько лет он с женой получил однокомнатную квартиру на окраине Москвы. Я однажды побывала у него там. Не было у него сада, ничего не было. Была печаль. Там он и скончался.

## АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ КИТИЦЫН

Сыну Михаила Сергеевича Андрею в Орле, куда его ребенком увезла мать, приходилось несладко. Родные его матери относились к нему плохо. Но отец прописать его к себе и поселить никак не мог. Андрею пришлось в Москве устраиваться в ЖЭК рабочим и жить в общежитии. Как-то, выйдя со станции метро «Спортивная», я увидела, что из дома напротив через окно одного из верхних этажей он выбрасывает вещи. Оказалось, что еще в начале 1930-х гг. привезли в Москву деревенских девушек для работы на фабрике. Потом они получили квартиры, но многие так и не создали семьи. Вот Андрюшу и посылали освобождать жилье, когда умирали одинокие старушки.



*Михаил Сергеевич Китицын  
с сыном Андреем в садике у дома.  
Москва*

Позже он окончил строительный техникум, получил квартиру, работал в ЖЭКе каким-то начальником. Женился, но очень неудачно. Жена оказалась из пьющей семьи. И вскоре начала пить. Он очень надеялся, что этот порок удастся преодолеть. Говорил, что она больше не пьет. Помню, что на мой вопрос: «Давно ли?» ответил: «С позавчерашнего дня».

Один отпуск он целиком провел у нас в Хотькове. Мы с ним ходили за грибами в мои выходные. Его всегда интересовала история, нумизматика. А однажды пошли в Радонеж. Вдруг на обочине дороги он увидел медную монетку. Оказалась – XVII века. Такая вот прогулка нумизмата.

Еще ему передавалась, видно, от дедушки страсть к рыбной ловле на удочку. Он не пропускал ни одного маленького магазина в провинции – все надеялся отыскать какую-нибудь необыкновенную снасть.

При нем окотилась у нас кошка. Нужно было ликвидировать котят. Но Андрюша запротестовал. Считал, что никто не имеет права отнимать жизнь. Пришлось оставить, хотя у нас уже было штук десять кошек, подобранных мамой. Я котят сфотографировала, послала Андрею в Москву. Думала, что он поинтересуется их судьбой. Но он не откликнулся.

Маму мою он звал тетей Лидой, был к ней очень привязан. Но... У нас была перекошена балконная дверь, так что зимой снег залетал в комнату и ложился возле маминой постели. Андрюша умел плотничать, и целая столярная мастерская была у него под началом в московском ЖЭКе. Он пообещал,

что придет с инструментом и все поправит. Так никогда и не приехал. А другой своей тете, Нюте, которая так много сделала для него и его ребенка, в ответ на просьбу что-то повесить на стену, подарил шлямбур, кажется, так называется этот инструмент. Я удивилась. Он ответил: «Ну, будет долбить потихоньку». Нюте было тогда уже далеко за 70.



В 1973 г. у Андрея родился сын Михаил. Жену Андрея лишили материнских прав, потом выселили из Москвы. Сам он был, видимо, очень был увлечен работой, ребенку своему Мише уделял мало внимания. Однажды летом Нюта привезли мальчика нам в Хотьково и оставила. Оказалось, что читать он почти не умеет, хотя кончил первый класс. 6 августа у него был день рождения. Мы устроили праздник. Меня поразило, когда ребенок сказал, что в прошлом году 6 августа не было. Говорил, что дома постоянно оставался один на ночь, варил себе кастрюлю кофе, чтобы не заснуть, и смотрел телевизор.

Надвигалась осень. Нужна была одежда и обувь – ребенка привезли в майке и тапочках. Андрюша на просьбы приехать и привезти вещи не откликнулся. Я предлагала оставить его у нас. Ходила в местную школу, объяснила ситуацию. Директор разумно предложил отдать его снова в первый класс. Но тут приехавший наконец Андрей решительно воспротивился. «Будут говорить, что у меня сын дурак, раз он пойдет опять в первый класс». Заботился о своем авторитете в ЖЭКе. И увез ребенка. Я не могла ему это простить. И мы после этого не общались.

Знаю, что иногда Мишу отправляли в лесную школу. Много заботилась о нем Нюта.

Он умер от лейкемии, должно быть, ему было тогда 16 лет.

А кончина самого Андрея произошла при неясных обстоятельствах. Из Орла приехала его сестра Тамара, вышла в Москве замуж за кавказца

и вместе с мужем поселилась в квартире Андрея. К тому времени у него была двухкомнатная квартира. Вскоре он перестал приходить на работу и появляться у родных. К Андрею перешли старинные английские гравюры в рамках. Они были у нас в Архангельске, потом у дяди Миши. Нюта просила Тамару их продать – ей нужны были деньги на операцию глаза. Тамара ответила отказом. Его самого к телефону не подзывали, отвечали, что он болен.

Не помню точно год смерти Андрея, скорее всего – 2000.

Он был последним Кितिцыным.



У потомства Борщовых, Гладковых и Кितिцыных, живших на Ярославской и Костромской земле, не оказалось жизнестойкости. Отличительные черты большинства моих предков – честность, бескорыстие, трудолюбие, стремление помогать другим людям – негодились в XX веке. В условиях нового времени нужны были другие люди.

Наглядно это показала встреча моей мамы Л.С. Китцной с директором завода, где я, молодой специалист, тогда работала. Это было в конце 1950-х годов. Мама приходила по поводу прописки в общежитии. Директор, человек крайне авторитарный, из ивановских рабочих, просто не понимал, как это она, проработав всю жизнь, не имеет никакого жилья. То была встреча людей из разных миров.

А мама в старости, заканчивая свои воспоминания, написала, что ей хотелось бы умереть так же, как ее отец, не оставив после себя никаких вещей. И ее желание исполнилось.

### **Альбом с меандровым орнаментом на обложке**

Один альбом такой строгий, для небольших снимков одинакового размера. Наверное, старый. Должно быть, относится к тому времени, когда не умели делать фотографии большого размера. На плоской гладкой кожаной обложке позолоченные металлические полосы со строгим меандровым орнаментом.

### **Альбом Гладковых с обложкой из дерева**

Другой, – должно быть, немецкий, очень старый, страницы в нем пожелтели и стали совсем хрупкими. Он маленький и тоже для фотографий одинакового размера. А обложка необыкновенная – из дерева. И на ней металлическая накладка – щит с инициалами «S.G.». Думаю, что это альбом Гладковых. В этом альбоме, как и в большом, много неподписанных фотографий.

### **Альбом с латунной накладкой в виде овала на обложке**

У третьего альбома страницы для фотографий разного размера и разной формы: прямоугольных и таких, где изображение вписано в овал. Обложка кожаная, чуть выпуклая и шероховатая. И на ней позолоченное украшение с овалом.

### **Альбом с изображением клевера**

А четвертый – попроще, наверное, более поздний. На кожаной обложке выдавлен цветок клевера и четырехлистные листочки «на счастье». Позолочен только замок. Этот альбом тоже предназначен для фотографий разного формата.

В гербе рода давалось указание о происхождении их предков. Борщовы были выезжими дворянами из Литвы. В гербе Великого княжества Литовского изображен символ защиты Отчизны от врагов, называемый «Погоня» – всадник с поднятым в правой руке мечом. В гербе выезжих из Литвы родов присутствует или знак погони, или его часть: рука с мечом или саблей.



*Герб Великого  
княжества  
Литовского*



*Герб  
Борщовых*

На щите герба Борщовых, разделенном на четыре части, имеются также изображения полумесяца, агнца, держащего красное знамя с крестом, и дуба с желудями. Агнец – символ Христа, а агнец со знаменем символизирует воскресенье. Дуб – символ крепости и силы.



*Герб  
Гладковых*

На щите герба Гладковых изображены в виде креста две шпаги и две стрелы, остроконечиями обращенные друг к другу. Наличие стрел в гербе означало постоянную готовность к войне.

Родовые гербы и записи в родословных книгах, семейные предания и традиции, портреты предков давали дворянину ощущение принадлежности к чему-то такому, что не закончится с уходом человека из жизни. Это давало чувство связи времен и поколений. Для дворянина было важно такое понятие, как честь. Он считал себя ответственным за судьбу Отечества. Гербы вызывали желание изучать свое прошлое.

Родовой герб могли иметь только потомственные дворяне. Первыми после Рюриковичей стали получать гербы выезжие роды, то есть прибывшие из других стран: Польши, Литвы, немецких земель. Они должны были привести доказательства благородства для внесения их в Бархатную книгу. Так называлась из-за бархатного переплета родословная книга, составленная при царе Федоре Алексеевиче, отменившем местничество.



В центре Костромы на Сусанинской, раньше Екатеринославской площади, находится величественный особняк дворцового типа, выстроенный около 1824 г. по проекту архитектора Н.И. Метлина. Он являлся частью городской усадьбы Сергея Семеновича Борщова, генерал-лейтенанта, позже сенатора, вышедшего в отставку в 1817 г. Вместе с пожарной каланчой и бывшей Гауптвахтой дом входит в архитектурный ансамбль центра города. Все эти три сооружения выстроены в стиле классицизма, хотя с разными его оттенками. Дом пострадал при пожаре и был продан. Позднее в нем размещалась гостиница, а с 1870 г. – Окружной суд.

*Гауптвахта.  
Совр. фото*



*Кострома,  
Каланча.  
Совр. фото*



*Дом Борщова  
в Костроме.  
Совр. фото*



По заказу Екатерины II Д.Г. Левицкий написал парадные портреты семи смолянок. Одной из них была дочь С.И. Борщова Наталья (1757–1843), изображенная художником в испанском платье. Предполагается, что она представляла аллегорию танца.

Н.С. Борщова в дальнейшем была фрейлиной Великой Княгини Марии Федоровны, потом кавалерственной дамой. Вышла замуж за Клавдия Семеновича Мусина-Пушкина, а после его смерти за барона Вильгельма фондер-Ховена.

До 1917 г. портреты смолянок находились в Большом Петергофском дворце. Потом известный музейный деятель П.И. Нерадовский поместил портреты в Русском музее, где их можно видеть и сейчас.



*Д.Г.Левицкий. Портрет Н.С. Борщовой. 1776. Х., м. ГРМ*



*Е.И. Борцова, урожд. Богданова. 1830-е гг. Слоновая кость, акв.*

Портретная миниатюра в России известна со времен Петра I. Этот жанр отличается особой тонкостью письма. Классической считается миниатюра на тонкой пластинке слоновой кости акварелью или акварелью с гуашью, выполненная маленькими кисточками тончайшим пунктиром. Для защиты от повреждения ее покрывали стеклом и заключали в металлическую рамку. Под полупрозрачную кость часто подкладывали золотую или серебряную фольгу. Особенно большое распространение портретная миниатюра получила в конце XVIII – начале XIX в., в период частых войн, и вплоть до появления фотографии сохраняла свое значение. Миниатюрные портреты родных брали с собой в военный поход. А дома вешали на стену в кабинетах, гостиных, библиотеках или же помещали на столе.

Елизавета Ивановна вышла замуж за Михаила Сергеевича Борцова. По семейным преданиям, она была придворной дамой. Художник изобразил ее с вечерней прической стиля «узел Аполлона», вошедшей в моду с 1824 г.

Наличие двух схожих портретов Е.И. Борцовой можно, по-видимому, объяснить таким образом. Тот ее портрет, что заключен в богатую рамку, имеет петельку, то есть, был предназначен для помещения на стену. А простое оформление другого говорит, скорее всего, о том, что его брали с собой, отправляясь на войну.



Усадьбу Бочатино, ныне в Сусанинском районе Костромской области, подпоручик Лейб-гвардии Семеновского полка Семен Иванович Борщов получил, женившись на Екатерине Алексеевне Скрипицыной. Дворянский род Скрипицыных восходит к концу XV в. Их сын Сергей Семенович выстроил великолепный дом в стиле классицизма на холме, часть которого огибает речка Шача.

Позже усадьба была продана помещикам Кашпиоровым. В 1925 г. владельцев выселили из усадьбы. В.И. Смирнов во время одной из экспедиций побывал в Бочатине. Это было летом 1928 г. Вот что он увидел в разоренном доме: «В гостиной второго этажа – разбитый ампириного стиля большой орган палисандрового дерева, валяются его большие валы. <...> Изящная орнаментальная живопись, покрывающая стены и потолки, в каждой комнате различная. В гостиной розовый по штукатурке фон расписан у дверей лозами винограда. По бледно-голубому фризу золотистой краской выполнены тонкие классические виньетки. В следующей комнате коричневатого тона фрески представляют сцены амуров. В одной комнате сохранилась кафельная печь. Осталось изящное обрамление камина с росписью. Оригинальны маленькие зеленые голландские печи. Особенно очаровательна живопись в одной из 36 комнат дома – во втором этаже. Здесь нежными красками в виньетках фризов вписаны медальоны с музами. Вероятно, эта комната служила библиотекой».

В 1930-х гг. все постройки усадьбы были разобраны.



А храм, возведенный Алексеем Ивановичем Скрипицыным, уцелел. В соседнем селе Ильинском на Шаче он построил в 1772 г. Казанскую церковь (на фото слева) рядом с Воскресенской, выстроенной чуть раньше другим помещиком. Обе церкви сейчас заброшены. На Ильинском погосте похоронены Сергей Семенович Борщов и его сын Михаил Сергеевич.

В книге «Судьба культурного наследия России. XX век» (М., 2003), в «черном» томе, то есть томе погибших памятников культуры, сказано:

«Усадьба Заречье, начало XIX века.

Заречье Ярославской области Даниловского района.

Заброшенная дворянская усадьба эпохи классицизма, от которой сохранились представительный двухэтажный господский дом, одноэтажный флигель и небольшой липовый парк с прямыми и диагональными аллеями, обнаруженные во время экспедиции 1999 года, проводившейся по программе Свода памятников. Планировка комплекса и облик построек типичны для усадебного зодчества центральных областей России начала XIX века. Расположенная вдали от жилья, она, судя по всему, не используется уже давно».

В 2008 г. усадебный дом Борщовых был сломан. Кирпич использован для мощения дороги.

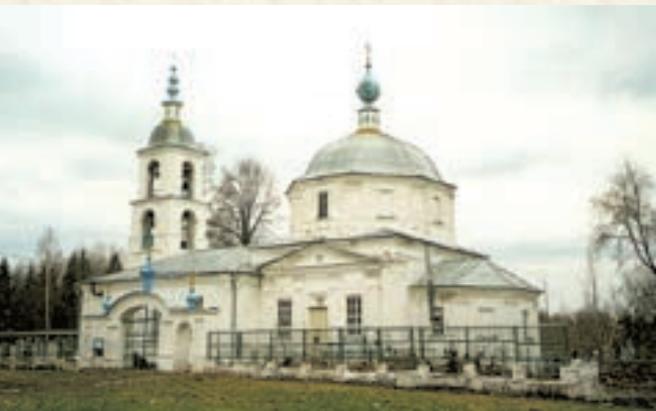


*Усадебный дом в Заречье. Фото начала 2000-х гг.*



*Заречье.  
Место,  
где раньше  
был парк.  
Совр. фото*





Воскресенская церковь в селе Николо-Отводное Даниловского района Ярославской области была выстроена, вероятно, при Иване Семеновиче Борщове. Годом постройки считается 1798-й. В начале 2000-х годов церковь была восстановлена благодаря усилиям священника иеромонаха Симона (Сергея Михайловича Новикова; 1928–2006), которого в этой церкви в детстве крестили.



На кладбище Воскресенской церкви, близ усадьбы Борщовых Заречье, похоронены Семен Иванович Борщов, его сыновья Петр и Иван и правнук Михаил Михайлович Борщов.

Надпись на белокаменном надгробии: «1786 года февраля 9 дня преставился раб божий подпоручик Семен Иванович Борщов. Жизни его было 74 года». На одной чугунной плите надпись: «Под сим памятником погребено тело надворного советника Ивана Семеновича Борщова, основателя сельца Заречье. Преставился 1835 года октября 2 дня в 5 часу утра. Жития его было 74 года». На другой чугунной плите надпись: «Под сим памятником покоится тело надворного советника Петра Семеновича Борщова. Покончил жизнь свою 1842 года октября 28 дня в 7 часов пополудни. Жития его было 83 года. Да будет ему вечная память». На каменном памятнике надпись: «Михаил Михайлович Борщов. Сконч. 24 января 1910 г. 67 лет».



Дом в усадьбе Малышково под Костромой был построен в 1830-х гг., когда усадьба принадлежала еще помещикам Карцевым. При них же был разбит и парк. В 1880-х гг. усадьбу купили Борщовы, и она в качестве приданого была дана за их дочерью Елизаветой Михайловной, в замужестве Кितिцной.

Деревянный дом выстроен в стиле позднего классицизма, что видно даже, несмотря на то, что сейчас его окраска совершенно не соответствует этому стилю.



*Пруд  
в Малышкове.  
Совр. фото*

Для земской школы в усадьбе было выстроено деревянное здание. Основателем и попечителем школы был С.А. Кितिцын, владелец усадьбы. После революции в этом доме находилась начальная школа, потом гидрометеостанция, а в начале 1990-х гг. его передали общине верующих. Дом перестроили под храм. И в 1994–2008 гг. в нем шли службы. В 2008 г. случился пожар. Это ускорило работы по возведению рядом каменного храма преподобного Серафима Саровского, строительство его было закончено в том же году.



*Деревянный храм преп.  
Серафима Саровского  
в Малышкове*



*Храм преп.  
Серафима Саровского  
в Малышкове. 2008 г.*



Не сохранились письма, которые могли бы стать источником информации о дореволюционной жизни описываемых здесь семей. Но уцелели некоторые открытки. Их раньше вставляли в специальные альбомы и предлагали рассматривать гостям, как и альбомы с фотографиями. Нашлось несколько таких открыток с видами Ярославля начала XX в., в том числе, с памятником П.Г. Демидову.

Павел Григорьевич Демидов (1738–1821), ученый натуралист, известен своей деятельностью на почве просвещения. Будучи одним из самых богатых людей России, он всю жизнь он провел в научных трудах. Сам жил весьма скромно, но был отзывчив к чужим нуждам. На его средства в 1803 г. было основано Ярославское демидовское училище высших наук, преобразованное в 1834 г. в Демидовский лицей, а в 1918 г. – в Ярославский государственный университет, закрытый

из-за финансовых трудностей в 1924-м. Преемником является открытый в 1970 г. Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова.

Н.А. Гладков был профессором Демидовского лицея. Учился в этом лицее В.А. Китицын. А Л.С. Китицына окончила Ярославский университет.

П.Г. Демидову в центре города, на Ильинской площади, в 1829 г. был воздвигнут памятный столп на средства, собранные ярославскими дворянами. Он представлял собой бронзовую колонну на гранитном пьедестале с бронзовой небесной сферой и позолоченным двуглавым орлом сверху. Высота колонны 12 м.

Главное здание Демидовского лицея сгорело в 1918 г. во время ярославского мятежа. Демидовский столп был демонтирован в 1931-м. На средства города он восстановлен в 2005 г.



Открытки адресованы Марии Николаевне Борщовой и ее сыну Николаю Михайловичу с указанием села Вятского, где, очевидно, находилось ближайшее к усадьбе Заречье почтовое отделение, а также Елизавете Михайловне Кितिцыной, в Кострому на Богоявленскую улицу, в дом Михина (1909 г.) и на Нижнюю Дебрю, в дом Кितिцына (1913 г.).



Ярославль. Вид на город с верхнего острова реки Волги



Ярославль. Речка «Заостровка» в окрестностях города



Ярославль. Театр имени Ф.Г. Волкова



Ярославль. Городская дума



Мой папа, когда я только родилась, купил четыре одинаковых альбомчика для фотографий. На обложке изображен фотоаппарат с гармошкой, точно такой был у папы – для стеклянных пластинок. И надпись «Photos». А еще он сам написал на каждом «Танечкин альбом». И порядковые цифры. Первый снимок он сделал с меня, спящей поперек кровати. Под ним забавная надпись: «Девочке грозит опасность». Ведь к ней идет игрушечный медведь. Не добродушный мишка, а суровый белый медведь. Это Север, это Архангельск. Тут живут мои родители, после того, как отца арестовали и отправили в ссылку.

Сколько воспоминаний вызывают бледные папины фотографии. А в подписях даты: 1937, 1938 – страшные годы. Но никакие тревоги взрослых не коснулись меня тогда. Папа и мама так любили друг друга, любили меня. Я просто не знала, что может быть по-другому. У меня было счастливое детство. По-настоящему счастливое.

Папа мечтал дорастить меня до 16 лет. При его жизни заполненными оказались три с небольшим альбомчика. Он умер, когда мне было шесть лет. Но мама по-прежнему отправляла меня раз в год в фотографию. Последнее фото в «Танечкином альбоме» сделано, когда мне исполнилось 18.

**Л**идия Сергеевна Кितिцына встретила с Анной Сергеевной Комеловой в 1926 г. в Москве на курсах повышения квалификации музейных работников. Скульптор А.С. Комелова работала тогда в Музее Царского села. Следующая их встреча произошла в Архангельске, куда Комелова попала, отбыв срок на лесоповале. Портрет сделан в 1935 г. Художница изобразила Кितिцыну, склонившейся над колыбелью дочери.



*А.С. Комелова. Портрет Л.С. Кितिцыной. 1935. Б., акв.  
Музей общества «Мемориал»*

**В** старинном кожаном альбоме Борщовых так много фотографий без подписей. Их тоже интересно рассматривать – видеть моды XIX века, вглядываться в лица. И все же непонятно, почему эти люди не задумывались над тем, что далекие потомки не будут знать, как их звали, кем приходились они друг другу.







## СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ БОРЦОВ И ЕГО ПОТОМКИ

Уже закончив работу над текстом, я получила в сентябре 2015 г. письмо из Ярославского историко-родословного общества о том, что к ним обратилась живущая в Англии Карина Хамилтон, которая интересуется сведениями о своей прапрабабушке Ольге Сергеевне Борцовой. Ей передали мой адрес. И мы стали переписываться.

Она прислала мне несколько фотографий предков: Сергея Михайловича Борцова (1826—1888) в белой папахе, его дочери Ольги, родившейся в 1854 г., а также сестры Сергея Михайловича Надежды («тети Надин Борцов») (1839—?). Присмотревшись, я поняла, что в одном из альбомов на групповой фотографии, сделанной в Женеве, тоже есть дама, очень похожая на Надежду Михайловну. И на обороте обнаружила надпись: «Дама в черном — Надежда Михайловна Борцова».

Ольга Сергеевна Борцова, в первом замужестве Длотовская, во втором — Лебедева. О. С. Лебедевой, оказывается, посвящена статья в словаре Брокгауза и Ефрона. Ее муж А. А. Лебедев был городским головой Казани. Лебедева овладела разговорным татарским языком. Потом в Казанском университете изучала языки, историю и культуру тюркских народов. Видимо, для практики перевела на русский с книжного татарского книгу иранского царя Кей-Кабуса «Кабус-Намэ» (XI в.). Книга была издана в Казани в 1886 г.

Такой интерес Лебедевой к Востоку объясняется, скорее всего, тем, что ее мать происходила из рода Кутайсовых, родоначальником которого был турецкий мальчик, взятый в плен русскими войсками и отданный в услужение к наследнику престола Павлу Петровичу. После вступления на престол Павел I сделал его графом (1799 г.). Род Кутайсовых в XIX в. был в родстве с князьями Голицыными, Горчаковыми, Урусовыми и другими известными фамилиями.

Лебедева знала арабский, персидский, немецкий, французский, итальянский и греческий языки. Участвовала в Международных конгрессах востоковедов. Прожила довольно продолжительное время в Турции. Публиковала там переводы с русского на турецкий под псевдонимом Гюльнар-Ханым. Ею были переведены произведения А. С. Пушкина «Метель», «Пиковая дама», «Бахчисарайский фонтан», М. Ю. Лермонтова «Демон», «Парус», «Ангел» и несколько рассказов Л. Н. Толстого. Она также издала в Стамбуле книгу «История русской литературы от начала до наших дней» (на турецком языке).

Ольга Сергеевна была сторонницей сближения России с Востоком. О своем намерении издать параллельно тексты Евангелия и Корана она писала Льву Толстому в Ясную Поляну. Идея книги об общности христианства и ислама была одобрена Львом Толстым, но издание по какой-то причине не состоялось.

Много усилий О.С. Лебедева приложила к созданию Востоковедческого общества в России.хлопоты о нем длились целых 13 лет. Это общество под покровительством императрицы Александры Федоровны было учреждено в 1900 г., и Лебедева стала его почетным председателем.

Судьба этой замечательной женщины после 1909 г. неизвестна.

Меня долгое время занимала фотография супружеской пары, сделанная в Казани. Находилась она в том альбоме, где были в основном фотографии Борцовых. Я подумала, что это, наверное, О.С. Лебедева с мужем, но Карина Хамилтон находит, что это родители Ольги Сергеевны.

Карина Хамилтон (род. в 1967 г.) пишет о своей родословной так. Сергей Михайлович Борцов (1926—1888) был женат на графине Ольге Ипполитовне Кутайсовой (1835—1900). Их дочь Ольга Сергеевна от двух браков имела шестерых детей.

Одна из внучек Ольги Сергеевны — Нина Бахаш вышла замуж за Сергея Павловича Бобровского (1875—1956), военного инженера, получившего звание генерал-майора. Он был командирован в 1916 г. в Англию по вопросу строительства завода по производству военных автомобилей. В 1918-м он женился на Нине Бахаш, которая жила в Лондоне и работала переводчицей. На корабле они направились во Владивосток. Он надеялся попасть в войско Колчака. Но после расстрела Колчака они оказались в Японии, там умерла их первая дочка. В 1920 г. уехали в Аргентину, а потом в Парагвай — эта страна дала приют многим эмигрантам. Там он занимался строительством мостов и дорог. А первый мост, в возведении которого он принимал участие, это Большеохтинский мост в Петербурге. На мосту сохранилась памятная табличка с его именем. И еще он в Парагвае с другими русскими учеными участвовал в открытии Технического университета. Потом переехал в Аргентину. У С.П. Бобровского были дети — Сергей, Татьяна и Вероника. Скончался С.П. Бобровский в Буэнос-Айресе. Завещал похоронить его в России. И в 1980-е гг. его дочь Вероника перезахоронила его прах на Котляковском кладбище Москвы.

Вероника Бобровская (род. в 1932 г.) вышла замуж за англичанина, работавшего в британском посольстве в Буэнос-Айресе. Карина (род. в 1964 г.) их дочь. Она и прислала мне несколько семейных фотографий.

*Фотографии из приложения на сайте удалены.*



# ГЛАДКОВЫ

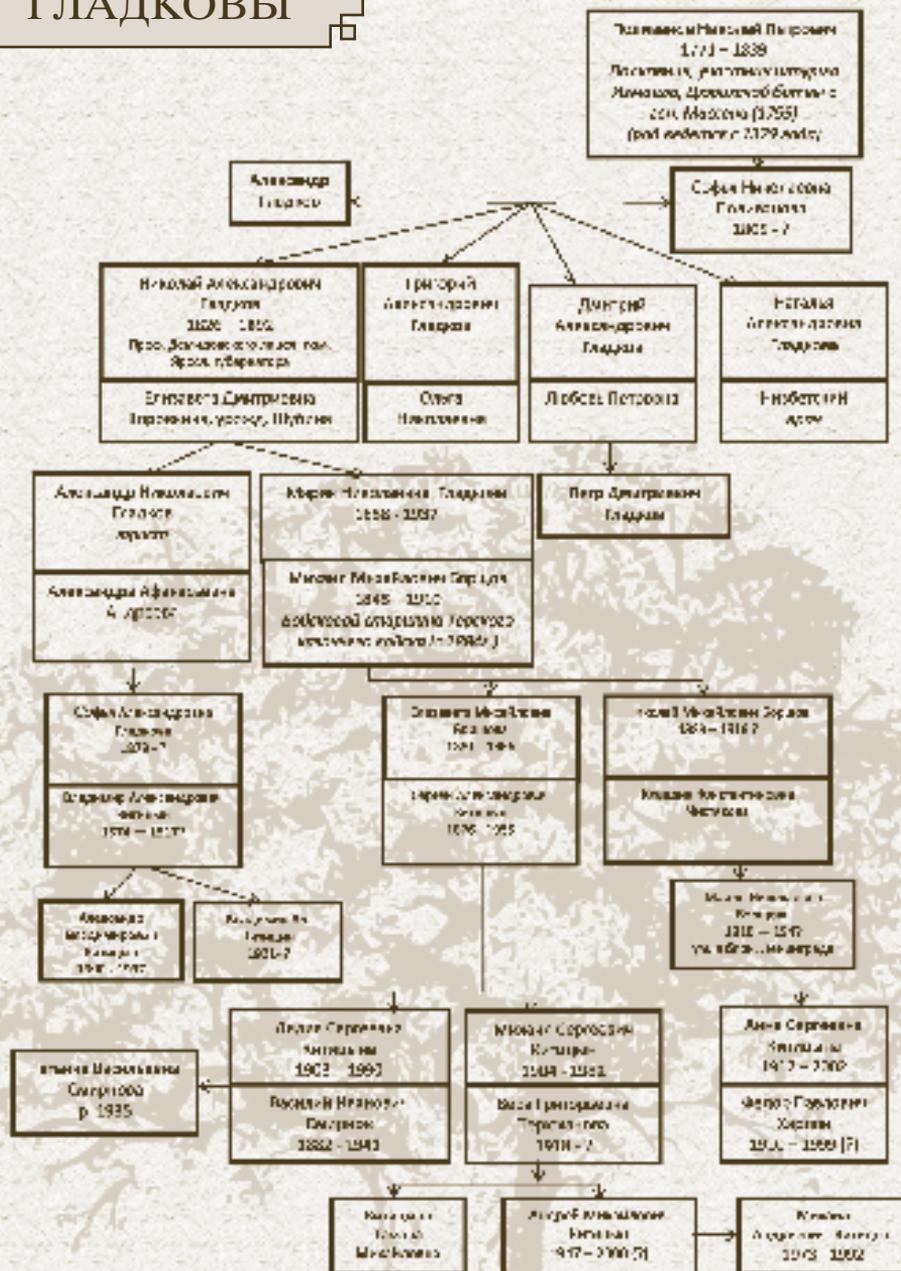


Схема составлена Л.А. Ланевской



**Татьяна Васильевна Смирнова**  
**Открывая старинный альбом...**  
Борщовы, Гладковы, Кितिцыны  
на Костромской и Ярославской земле и их потомки

Технический редактор

*Е. Кузнецова*

Корректоры

*Ю. Толоконникова*

*И. Переславцева*

Дизайн и компьютерная вёрстка

*Т. Фролова*

На обложке фотография Марии Николаевны Борщовой

**Контакт с автором книги по e-mail**  
**[smirnowatw@mail.ru](mailto:smirnowatw@mail.ru)**

Подписано в печать 09.12.2015.

Формат 70x84/16. Бумага мелованная глянцевая.

Гарнитура Times Ten Cyr Uprigh. Печать офсетная.

Объем 8,5 печ. л.

Тираж 300 экз.

Заказ № 2536-15.

Допечатная подготовка ООО «Все для Вас Сергиев Посад».  
Отпечатано в типографии ООО «Тверской Печатный Двор»,  
170000, Тверская область, г. Тверь, пос. Никольское, 26.